

Рэнт. Биография Бастера Кейси

Автор:

[Чак Паланик](#)

Рэнт. Биография Бастера Кейси

Чак Паланик

Сказание о панк-мессии из мира близкого будущего, поведанное его учениками...

Житие Бастера Кейси по прозвищу Рэнт, чей девиз: «Живи быстро, умри молодым и заberi с собой в могилу столько, сколько сумеешь».

История величайшего из героев мира маленьких городков, в которых закон делит обитателей на «Дневных» законопослушных граждан – и «Ночных» бунтарей.

Легенда о ненависти и безумии, любви и свободе!

Чак Паланик

Рэнт. Биография Бастера Кейси

Печатается с разрешения автора и литературных агентов Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg.;

© Chuck Palahniuk, 2006

© Перевод. Е. Мартинкевич, 2007

Школа перевода В. Баканова, 2007

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Вы никогда не жалели, что родились на свет?

От автора

Книга написана в жанре устной биографии, то есть состоит из рассказов самых разных свидетелей. Когда многие люди говорят об одном и том же, они неизбежно противоречат друг другу. Примеры подобных биографий: «Капоте» Джорджа Плимптона, «Эди» Джин Стайн, «Лексиконный дьявол» Брендана Маллена.

1 - Введение

Уоллес Бойер (J продавец автомобилей): Я, как многие другие, познакомился с Рэнтом Кейси после его смерти. С известными людьми так часто: только помрут, приятелей набегит! Знаменитый покойник шагу по улице не ступит, чтоб не наткнуться на миллион лучших друзей, которых при жизни в глаза не видел.

Если бы Джефф Дамер или Джон Уэйн Гейси были еще живы, о них бы столько не писали. А когда умер Гаэтан Дюга, число людей, с которыми он якобы трахался, просто зашкалило.

Как говорил Рэнт Кейси, чтобы выехать на твоей репутации, тебя ругают при жизни и хвалят после смерти.

Так вот, сижу я себе в самолете, а рядом садится мужик, явно из какой-то глухомани. Кожа у него – ну прям как автокатастрофа, не пялиться невозможно. Все руки в укусах, дырках, сморщенные, смотреть противно.

Стюардесса, ну, она спрашивает этого, с гор спустившегося, чего бы он хотел выпить. И потом просит его передать мне виски со льдом. А я смотрю на эти страшные пальцы, костяшки как изжеванные, и думаю: пить из стакана не буду.

Тут еще эта эпидемия, ну его! В аэропорту теперь после металлоискателя температурный контроль, как во время атипичной пневмонии. Правительство говорит, многие и понятия не имеют, что заражены. Можешь себя прекрасно чувствовать, но если датчик пикнет, мол, температура повышена, загремишь в карантин. А если пожизненно? Без суда, без всего.

Все равно опускаю столик и беру стакан. Смотрю, как виски бледнеет, разжижается. Как тает и пропадает лед.

Кто живет продажей автомобилей, вам всегда скажет: повторение – мать учения. У нас так: есть контакт – есть доход.

А тренировать свои навыки можно везде. Например, чтобы запомнить имя человека, есть хороший приемчик: всмотреться ему в глаза, чтобы увидеть цвет – зеленые, карие или голубые. Называется «разрыв паттерна». Паттерн, шаблон – это типа привычка забывать. Разорвешь его – и уже не забудешь.

У этого ковбоя глаза были ярко-зеленые. Зеленые, как антифриз.

Весь перелет мы с ним делили один подлокотник – я сидел у окна, он ближе к проходу. Вы меня простите, но с его ковбойских сапог кусками валилось подсохшее дерьмо. А эти длинные баки, может, в старших классах и помогли ему затащить в постель телку-другую, но сейчас совсем седые, от виска до самой челюсти. Про руки вообще молчу.

Чтобы установить раппорт, контакт, в смысле, спрашиваю, сколько он заплатил за билет. Если не умеешь угадать, что нужно человеку, с которым в самолете целый час трешься локтями, не можешь найти, где у него кнопки, то никого не уговоришь на «мысленную покупку» «Ниссана», не говоря уж о «Кадиллаке».

Еще один прием: в каждом авто программируешь первую кнопку магнитолы на госпел. Вторую – на рок-н-ролл. Третью – на джаз. Если клиент весь из себя начальник, распахни перед ним дверь и включай новости или политобзоры. Если хиппи в сандалетах – ищи культурную передачу. Чтобы, повернув ключ, они слышали то, что хотят услышать. А пятую кнопку в каждой машине я программирую на дурацкий техно-рэйв, если вдруг появится автосалочник.

Зеленые глаза, дерьмо на сапогах – у продавцов это называется «мысленные крючки». Вопросы с одним ответом – «закрытые вопросы». Вопросы, которыми заставляют покупателя говорить, – «открытые».

Например, вопрос «Сколько вы выложили за билет?» – закрытый.

Мужик отхлебывает виски, глотает. Потом, глядя в упор перед собой, отвечает:

– Пятьдесят долларов.

Настоящий «открытый» вопрос – это вроде «Как вы живете с такими страшными руками?».

Я спрашиваю: в одну сторону?

– Туда и обратно, – говорит он и жуткой ручищей подносит ко рту стакан. – Скидка по смерти близкого.

Я сижу вполоборота, смотрю на него и замедляю дыхание в такт тому, как шевелится его ковбойская рубашка. Этот прием называется «активное слушание». Он откашливается, я чуть подожду и тоже откашливаюсь. Хорошие продавцы так «ведут» клиента.

Скрещиваю ноги у щиколоток, правую над левой, как он, и говорю: мол, такого не бывает. Даже без мест билеты дороже. Как ему так удалось?

Он отхлебывает еще виски, неразбавленного, и начинает:

– Сначала сбегаешь из охраняемой психушки...

Потом, говорит, хочешь поймать попутку, а сам стоишь в пластмассовых шлепанцах и бумажной хламиде, которая сзади не застегивается. Опаздываешь на пару секунд, и детонасильник-рецидивист насилует твою жену. И мать. Потом от этого насилия рождается сын, ты его растишь, он собирает целый фургон старых человеческих зубов. После школы этот чокнутый сынок сбегает в город. Вступает в какую-то секту, которая живет по ночам. Попадает в аварию раз эдак пятьдесят и связывается с какой-то почти, хоть и не совсем, проституткой.

А еще он рассадник эпидемии, из-за которой погибли тысячи, ввели военное положение и вообще мир во всем мире теперь под угрозой. И наконец твой сынуля погибает в пылающем аду на глазах у всех телезрителей.

Очень просто, мол.

Потом добавляет:

- И когда ты поедешь за его трупом, - опрокидывает стакан себе в рот, - самолетная компания даст специальную скидку.

Пятьдесят баксов, туда и обратно. Он смотрит на скотч, который еще стоит на моем столике. Теплый. Весь лед, что был, растаял. И спрашивает:

- Будете?

Я говорю: пейте.

Вот так иногда за секунду меняется вся жизнь.

Твое завтрашнее будущее окажется не похоже на вчерашнее.

Передо мной дилемма: просить автограф или нет? Я еще больше замедляю дыхание, отзеркаливаю его и уточняю, в родстве ли он с тем парнем... Рэнтом Кейси? Кейси-Оборотнем - самым страшным «нулевым пациентом» в истории? Суперносителем, который заразил половину Америки? Целующим Убийцей? Рэнтом Бешеным Псом?

– Бастер. – Он тянется уродливой рукой за моим виски и говорит: – Моего мальчика при рождении назвали Бастер Лэндри Кейси. Не Рэнт. Не Бадди. Бастер!

Я впитываю глазами каждый складчатый шрам на его пальцах. Каждую морщину, каждый седой волос. Внимательно вдыхаю запах перегара и коровьего навоза. Локтем запоминаю, как трется о меня рукав фланелевой рубашки. Я уже понял, что буду рассказывать об этой встрече всю оставшуюся жизнь. Вцепляюсь в каждую мелочь и прячу про запас, как белка, каждое его слово и каждый жест. Говорю, а вы...

– Честер, – отвечает он. – Я Честер Кейси.

Вот он, сидит со мной рядом. Честер Кейси, отец Рэнта Кейси: ходячего и говорящего биологического оружия массового уничтожения.

Энди Уорхол ошибался. В будущем у каждого не будет пятнадцати минут славы. Нет, в будущем у каждого будет пятнадцать минут рядом с тем, кто прославился. С Тифозной Мэри, Тедом Банди или Шэрон Тейт. В истории есть лишь монстры и жертвы. И свидетели.

А я ему что? Я говорю: мне очень жаль.

– Сочувствую, что ваш малец того...

Головой качаю.

Чет Кейси тоже качает головой, и я уже не уверен, кто кого «ведет». Кто первый сел в такую позу. Может, этот говноед сам меня изучает. Зеркалит меня. Находит мои кнопки и устанавливает раппорт. Может, это он мне что-то продает. Живая легенда Чет Кейси моргает. И дышит медленно, не больше пятнадцати раз в минуту. Допивает мой скотч.

– Но как ни крути, – пихает меня локтем в ребра, – скидка на билет что надо!

2 – Ангелы-хранители

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса (R Историка): Собака в Миддлтоне – что корова в Калькутте или Нью-Дели. Посреди каждой дороги на солнце валяется какая-нибудь помесь дворняжки с охотничьей, пыхтит, высунув слюнявый язык. Этаким лохматый «лежачий полицейский» без ошейника и всяких опознавательных знаков. Припорошенный глиняной пылью, сдутой ветром с распаханых полей.

До Миддлтона целых четыре дня езды. Никогда еще так долго не сидел в автомобиле без аварий. Это оказалось самым неприятным аспектом нашего паломничества.

Недди Нельсон (R автосалочник): Как вы объясните тот факт, что в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году в штате Юта, возле Антелоп-Спрингс, палеонтолог-любитель Уильям Мейстер разбил кусок глинистого сланца, надеясь найти там ископаемых трилобитов, а вместо этого увидел окаменевший след человеческой обуви, оставленный пятьсот миллионов лет назад? И как другой окаменевший отпечаток обуви, обнаруженный в Неваде в тысяча девятьсот двадцать втором году, попал в горную породу триасового периода?

Эхо Лоуренс (R автосалочница): Мы ехали в Миддлтон глубокой ночью, по каким-то долбаным полям, а Шот Даньян жал на кнопки радио, искал дорожные сводки. Чтобы услышать о бурной жизни, которая проходит мимо нас. Утренние или вечерние новости для заокеанских водителей. Пробки и заторы там, где еще «вчера». Скопления машин, смертельные исходы, крушения автопоездов на магистралях там, где уже «завтра».

Странно, блин, слышать, что кто-то погиб завтра. Будто прямо сейчас еще можно позвонить этому бедняге в Москву и сказать: «Сиди дома!»

Из передачи «Дорожные картинки» на «Авторадио»:

Если вы сейчас под Ричмондом и направляетесь на восток, к Мэдоузскому объезду, учтите, что из-за любопытства водителей движение замедлилось. Притормозите и вы, вытяните шею, чтобы хорошенько рассмотреть на дальней левой полосе аварию со смертельным исходом. Столкнулись два автомобиля: впереди «Плимут» цвета морской волны, модель «Роуд Раннер», семьдесят четвертого года с V-образным восьмицилиндровым чугунным двигателем объемом четыреста сорок кубических дюймов и четырехкамерным карбюратором. Салон с оригинальной белой отделкой. За рулем была знойная девица двадцати четырех лет от роду, со светлыми-тире-зелеными волосами и с классическим случаем перелома-тире-вывиха позвоночника в области атланта-затылочного сочленения при полном разрыве спинного мозга. Если выразиться проще, с переломом шеи.

Сзади шикарный двухдверный седан кремового цвета, модель «Нью-Йоркер-Брогам-Сент-Реджис» с хромированными декоративными накладками и неподвижными задними форточками. Классная тачка! Проезжая мимо, обратите внимание, что водителю было двадцать шесть лет, и у него самый обычный поперечный перелом грудины с двусторонними переломами ребер, причем ребра при столкновении с рулем проткнули легкие насквозь. Плюс, говорят ребята из «скорой», обширное внутреннее кровоотечение.

Так что пристегните ремни и сбавьте обороты. Репортаж вела Тина Самсинг...

Эхо Лоуренс: Мы нарушили комендантский час и государственный карантин. И рванули в это захолустье. Я сидела впереди. Шот Даньян – за рулем. Недди Нельсон – сзади. Он читал какую-то книгу и рассказывал нам, что Джек-Потрошитель не умер, а отправился в прошлое, чтобы убить свою мать и сделать себя бессмертным, и теперь он президент США или Папа Римский. Это вроде сумасшедшей теории, что НЛО – на самом деле туристы из далекого будущего.

Шот Даньян (R автосалочник): Наверное, мы поехали в Миддлтон, чтобы посмотреть на все места, о которых рассказывал Рэнт, и познакомиться с теми, кого он называл «своими». С его родителями, Айрин и Честером. Лучшим другом Боуди Карлайлом, они вместе учились. С разными фермерскими семействами – Перри, Томми и Эллиотами, – он нам про них все уши прожужжал, мы ведь почти все автосалки просто ездили по городу и трепались. Короче, со всякими

деревенскими мудаками.

Хотели нарастить мясо на Рэнтовы истории. Что, не прикольно? Поехали мы с Эхо Лоуренс и Недди – Недди на заднем сиденье – в его «Кадиллаке-Эльдорадо». В машине, которую ему купил Рэнт.

Да, еще мы хотели положить цветы и всякое такое на могилу Рэнта.

Эхо Лоуренс: Шот жмет на кнопки радио и вздыхает:

– А знаете, мы пропускаем классную Ночь Футбольной Мамы...

– Это не сегодня, – говорит Недди. – Проверь календарь! Сегодня Ночь Начинающего Водителя.

Шот Даньян: На горизонте видна полоска света. Полоска набухает, превращается в бугор белого света, потом в полукруг, потом в круг. Полнолуние. Пропускаем классную Ночь Медового Месяца.

Эхо Лоуренс: Мы не слушали музыку, а рассказывали друг другу истории. Вспоминали, что говорил нам Рэнт о своем детстве. Все надо было собирать по кусочкам, выгребать из подвалов памяти. Каждый кидал в общий котел что-то свое, и так мы ехали дальше.

Шот Даньян: Нас притормозил местный шериф, и мы сказали правду: мы совершаем паломничество на родину Рэнта Кейси.

Ночами вроде этой, когда весь поселок спит, маленький Рэнт Кейси крутил свое радио. Сидел в наушниках. Он ловил дорожные сводки из Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Слушал о пробках и заторах в Лондоне. О задержках в Атланте. По-французски – о трех машинах, столкнувшихся в Париже. Учил испанский по выражениям вроде *neumaticodesinflado* и *puntomuerto*. Спущенные шины и

пробка в Мадриде. Imbottigliamento – это пробка в Риме. Hetroosterslot – пробка в Амстердаме. Saturation – пробка в Париже. Невидимый мир дорог как на ладони.

Эхо Лоуренс: Короче, ехать по захоластью между полночью и восходом рискованно. Полицейские врубают сирену просто от нечего делать. Миддлтонский шериф посветил на наши права фонариком и прочитал целую лекцию о большом городе. Мол, город и сгубил Рэнта Кейси. Все городские – убийцы. Это он про нас.

Этот шериф явно подключился к «пику» тexasского рейнджера или какого-нибудь Джона Уэйна. Закольцевал его и так ходит. Подкрутите «пик» сержанта по строевой подготовке переживаниями судьи-убийцы, добавьте чувства добермана – и получится миддлтонский шериф. Стоит, квадратные плечи назад, пальцами пряжку оттопыривает. И качается на пятках туда-сюда.

Шот спросил:

– Кто-нибудь приезжал убить мать Рэнта?

Шериф был в ковбойских сапогах и в коричневой рубашке с латунной звездой, приколотой к нагрудному карману, в кармане ручка и темные очки, рубашка заправлена в джинсы. На звезде надпись: «Полицейский Бэкон Карлайл».

Короче, худшего вопроса Шот придумать не мог.

Недди Нельсон: Вот скажите, как в тысяча восемьсот сорок четвертом году физик сэр Дэвид Брюстер обнаружил металлический гвоздь в куске девонского песчаника возрастом больше трехсот миллионов лет?

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Если бы вы смогли увидеть Миддлтон с воздуха, по пути из Нью-Йорка в Лос-Анджелес, то подумали бы: как здесь живут? Вообразите себе замызганные диваны, забытые на верандах. Машины, оставленные у парадного входа. Дома, наполовину съехавшие с фундамента и подпертые шлакобетонными кирпичами. Под домами спят курицы

и собаки. На первый взгляд вам покажется, что тут был потоп или землетрясение.

Недди Нельсон: А как вы объясните тот факт, что домохозяйка из Иллинойса, миссис С. В. Калп, разбила кусок угля и нашла внутри золотое кольцо?

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Несмотря на унылую атмосферу, эти маленькие городки очень сексуальны. Здесь остаются те, кто рано расцвел и похорошел. У молодых мужчин и женщин вырастают идеальные груди и мышцы, но, не зная, как этим лучше распорядиться, они заводят детей и женятся очень близко к дому. Поэтому лучшие гены сосредоточиваются в совершенно невероятных местах. Вроде Миддлтоне. Там гнездятся безумно прекрасные идиоты и идиотки, которые рожают детей и вступают в долгую и уродливую взрослую жизнь. Венеры и Аполлоны. Провинциальные боги и богини. Если за всю свою нудную, скучную, пыльную историю община и произвела на свет нечто экстраординарное, так это Рэнта Кейси.

Эхо Лоуренс: «Чаще всего люди покидают маленький город, – говорил Рэнт, – чтобы мечтать туда вернуться. А другие остаются, чтобы мечтать оттуда уехать».

Рэнт хотел сказать, что несчастны все и везде.

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Кто главный в Миддлтоне, а в частности, в семье Кейси, особенно ярко проявлялось по праздникам. Во время пасхальных завтраков, обедов в День Благодарения и рождественских ужинов семейство делилось на два класса.

Взрослые ели из старого фарфорового сервиза, купленного много поколений назад, – тарелки ручной росписи с цветочками и золотой каймой. Дети сидели на кухне, даже не за столом, а за несколькими складными карточными столиками, составленными впритык.

Эхо Лоуренс: На кухне все было бумажное – салфетки, скатерть и тарелки, – чтобы все потом свернуть и отправить в мусорку. Перед тем, как преломить хлеб, взрослые произносили одну и ту же молитву: «Спасибо Тебе, Господи, за эту благословенную семью, за пищу и за нашу удачу».

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Стареющие члены семьи, которые еще сидели за детским столом, молились о сальмонеллезе. О рыбьих костях в трахее. Юные поколения, благочестиво складывая руки и склоняя головы, мечтали об обширных инсультах и инфарктах.

Эхо Лоуренс: Рэнт говорил: «Лучшее утешение в жизни – когда можешь обернуться через плечо и увидеть, что за тобой в очереди стоят те, кому еще хуже».

Шот Даньян: Перед автосалками наша команда ходила куда-нибудь ужинать; Грин Тейлор Симмс презрительно фыркал, глядя, как Рэнт ест в ресторане одной вилкой. Рэнт не был тупицей, просто он так и не продвинулся дальше пластмассовой ложки.

За глаза Грин прозвал его Гейкльберри Финном. Вроде как Гекльберри, только с подначкой.

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: Мистер Даньян называет Рэнта Зубной феей.

Эхо Лоуренс: Вот послушайте. Около полуночи мы с Шотом Даньяном остановились на подъезде к их дому, перед почтовым ящиком, где было написано «Кейси». Дом стоял посреди поля, такой белый, с длинной верандой вдоль фасада, крутой крышей и мансардным окном прямо на веранду – это комната Рэнта с ковбойскими обоями.

Под стенами были всякие кусты и цветы, до самого забора, сплетенного из цепей, стриженный газон. За домом мы еле заметили коричневый сарай. Все остальное – пшеница, до плоского горизонта, вокруг «Кадиллака» Недди. А Шот все возился с радио, искал дорожные сводки.

Из радиопередачи «Дорожные картинки»: На всякий случай предупреждаем, не пропустите небольшую аварию на правой полосе западного шоссе из центра города. Все произошло у дорожной пометки номер шестьдесят семь. Автомобили со свадебными украшениями, к задним бамперам даже привязаны банки из-под консервов. Движение приостановилось, потому что водители глазают на невест и женихов, которые кричат и бросаются друг в друга свадебным тортом. Будьте осторожны: на дороге молодожены и рисовые зерна...

Эхо Лоуренс: Шот заснул – прислонился к дверце и захрапел. А я все ждала знака, что Айрин Кейси жива и никакой таинственный незнакомец ее не задушил и не прирезал.

Недди Нельсон: Тогда скажите, как в тысяча девятьсот тринадцатом году антрополог Г. Рек нашел череп современного человека в отложениях раннего плейстоцена? Объясните, как такие же черепа обнаружили в слоях раннего плейстоцена и среднего плиоцена в Буэнос-Айресе и Рагаццони, в Аргентине и Италии, соответственно?

Шот Даньян: Мы обошли их зачуханное кладбище – куча сорняков, постриженных косилкой, – но могилу Рэнта не увидели. Что, не странно? Зато мы обнаружили в справочнике имя его лучшего друга, Боуди Карлайла, а потом в конце дороги нашли его трейлер. Весь в перекасти-поле до самых окон, на дворе лает цепной питбуль. До восхода еще было очень долго. Мы даже не постучали в дверь.

Эхо Лоуренс: Да где там! Я так и не видела Айрин Кейси. Мы даже не постучали в дверь. Кто знает, может, она уже мертвая лежала.

Уоллес Бойер (J биограф): Кто долго продавал автомобили, знает: уникальных людей не бывает. Любой чудаков-одиночка родом из целого гнезда чудаков. Поезжайте в какую-нибудь занюханную деревню в Словакии, и даже Энди Уорхол покажется вам абсолютно нормальным.

Эхо Лоуренс: Короче, на рассвете этот захолустный шериф подъезжает к нашей машине и давай орать в мегафон, что мы, мол, нарушаем федеральный Закон о стандарте действий в экстренных ситуациях и комендантский час «Эй». Нам не хотелось оставлять миссис Кейси без присмотра, но Большой Вождь навел на нас пушку и говорит:

- А не забрать ли вас в участок для проведения маленького допроса...

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса: В Миддлтоне спящих собак все объезжают.

3 - Собаки

Боуди Карлайл (J детский друг Рэнта): Зимой миддлтонские собаки собираются в стаи. Наши же, фермерские, - сбегают, только их и видели. Видеть не видим, зато по ночам слышим, как они воют и лают. Других собак так бросают из машин прямо на обочину. Чтоб отделаться. Городские думают, любой барбос на воле одичает и прокормится. На самом деле те просто зубами щелкают, пока с голодухи не сожрут какую-нибудь дрянь, которую не стали есть другие звери. А в этой дряни полно мушиных яиц. Так что почти все эти брошенные собаки мрут от глистов.

Остальные кучкуются, чтоб не замерзнуть. Ну, те, что не сдохли. Охотятся стаей на кроликов и чернохвостых оленей. Как зима, поймают добычу и воют там, где деревья, у реки. Наши собаки послушают-послушают - и к ним.

Даже самый лучший пес забывает свою кличку, зови не зови. Пропадает на всю зиму, будто сдох, а вой слышен. Как выпадет снег, от твоего любимца, от лучшего приятеля остается далекий вой оборотня в темноте. На холоде-то звуки разносятся на тысячу миль.

Самый страшный детский кошмар зимой – будто идешь ты домой, как солнце сядет, и вдруг слышишь собачью стаю. Они воют, огрызаются, звуки все громче и ближе. В темноте бродит ужас с миллиардом зубов и когтей.

Иногда находят загнанного стаей оленя. Череп – самое большое, что осталось. Все – и шкура, и кости – разгрызено на мелкие кусочки и растаскано. От кролика остается лапка в коме шерсти, шерсть и кровь повсюду. Одна кроличья лапка с кусочком мокрого мягкого меха, как на удачу.

Собака Кейси – та убегала в стаю каждую зиму, а однажды вообще не вернулась. По ночам запрыгнет на диван, смотрит в окно, уши наострит, слушает, как стаи рыщут. Охотятся. Мы их и не видим никогда, больше разговоров, чем дела. Это наполовину сказка. Наша страшилка. Где там наполовину, настоящая сказка. Что собаки, может, даже твои, сойдут с ума и начнут на тебя охотиться! Будут выслеживать тебя по дороге из школы. Бежать за тобой, красться по придорожным кустам. Твой собственный пес тебя нагонит и раздерет на клочки. Сколько ни кричи ему: «Фидо!», «Фу!», «Сидеть!» – пес, которого ты щенком учил не гадить дома и шлепал газетой, тот же самый Фидо сомкнет челюсти на твоём горле и вырвет его с мясом. И завоюет над твоей агонией, и вылакает горячую кровь, толчками бьющую из твоего любящего сердца.

Шериф Бэкон Карлайл (J детский враг Рэнта): Только не надо бить на жалость! Рэнт Кейси с начальных классов нарывался на ужасную смерть. От змей или от бешенства. А собаку Кейси звали Фас. Какая-то наполовину гончая, наполовину бигль, наполовину ротвейлер, наполовину бультерьер, наполовину все что хочешь. Это Честер Кейси дал ей такую кличку: Фас.

Эдна Перри (J соседка): Если вам это интересно, Кейси звали друг друга по-разному. Айрин называла мужа Четом. Он ее – Рин, сокращенно от Айрин, и только в глаза. Никто больше так ее не называл. Рэнт говорил Честеру «папа». Айрин звала сына Бадди, а отец – Бастером. Рэнтом – никогда. Только Боуди

Карлайл так его звал.

А еще говорят, Рэнт называл Боуди Жабой. Честно!

В общем, у всех друг для друга разные имена. Бастер был Рэнтом и Бадди. Честер был Четом и папой. Айрин – мамой и Рин. Так люди присваивают тех, кого любят, – дают им особенное имя. Хотят сделать их своей собственностью.

Шериф Бэкон Карлайл: То же самое, что выбросить собаку на дорогу. Худшее, что человек может сделать, – это себя распустить.

Эхо Лоуренс (R автосалочница): Вот послушайте. Рэнт говорил: «Для каждого, кто тебя знает, ты разный».

А еще он говорил: «Ты есть только в глазах других».

Если б на его могиле что-то написать, больше всего он любил эти слова: «Твое завтрашнее будущее окажется не похоже на вчерашнее».

Шот Даньян (R автосалочник): Бред! Вот его любимые слова: «Некоторые из нас рождаются людьми. Остальные идут к этому всю жизнь».

Боуди Карлайл: А я помню, Рэнт говорил: «Моложе, чем сегодня вечером, нам уже не стать».

Айрин Кейси (З мать Рэнта): По воскресеньям Бадди ходил с бабушкой Эстер в церковь. В хорошую погоду мы с Четом надолго отвозили Бадди к ней. Маленький Бадди увидел, что ей пойти в церковь не с кем, и начал ходить с ней сам. От ее дома до церкви рукой подать. Старушка в нарядной шляпе и маленький мальчик с галстуком-бабочкой идут по дороге, держась за ручки, – так трогательно!

Однажды мы уже спели первый гимн, почитали Библию и наполовину прослушали проповедь, а Бадди с Эстер все не идут и не идут. Уже собирают пожертвования, и вдруг дверь церкви с грохотом открывается. Сначала такой топот по ступенькам у входа, потом большая дверь как распахнется – ручкой пробила дырку в стене. Все оборачиваются и видят малыша Бадди. Запыхался, стоит, упершись руками в колени, дверь за собой не закрыл, светит солнце, и дышит так тяжело, никак не отдышится. Весь лохматый, бабочки нет. Подол рубашки торчит наружу.

Преподобный Кертис Дин Филдс говорит:

– Будьте добры, закройте дверь.

А Бадди задыхается:

– Покусили!

Потом кое-как перевел дух.

– Бабушку Эстер покусили! Ей плохо, очень!

Стоят холода. Я думаю, может, собачья стая? Может, ее какой пес покусал? Ну, дикий какой.

Шериф Бэкон Карлайл: Вы уж меня простите, но ни один Кейси не заплатил за дыру, которую Рэнт проделал в стене церкви. Даже если поверить, что он не нарочно.

Айрин Кейси: Бадди говорит, Эстер укусил паук. По виду похоже, что «черная вдова». Бадди и бабушка шли на службу, и вдруг на полпути она встала. Замерла, выпустила его руку. Кричит: «Боже!» – и обеими руками срывает шляпку с головы, вырывает волосы со шпильками. Бадди говорит, с таким звуком, будто рвут газету напололам. У нее такая черная шляпка для церкви, круглая, черная, размером как банка порошка для ванны. Эстер швыряет ее на

землю. И воскресными туфлями топчется по черному атласу. Черные туфли серые от пыли. Черное пальто все в клубках пыли. Сумкой болтает, другой рукой отгоняет Бадди, не трогай, мол.

На шляпке вырванные с корнем пучки седых волос.

Эстер туфлей переворачивает шляпку, они с Бадди садятся на корточки и смотрят.

Среди пыли и камешков, между смятой вуалью и скомканным атласом, дергая лапкой, лежит паук. Пыльный черный паук с красными песочными часами на животе.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (R Историка): Местный паук «черная вдова», близкий родственник южноафриканской «черной вдовы», принадлежит к семейству пауков-тенетников и селится в укромных местах вроде старой одежды или дворовых уборных. Пока канализацию не провели в дома, жертвы чаще всего страдали от укусов «черной вдовы» в ягодицы или гениталии. В наше время паук чаще кусает человека, оказавшись на коже при надевании обуви или перчатки.

Айрин Кейси: Бабушка Эстер кладет руки на темя, щупает кожу, перебирает завитки, пока не находит то, от чего рот у нее открывается, а глаза плотно зажмуриваются. Когда она открывает глаза, говорит Бадди, глаза его бабушки моргают и мокрые.

Она достает из сумочки салфетку. Прижимает к голове. По словам Бадди, когда они посмотрели на салфетку, то увидели красное пятно свежей крови. Эстер ему говорит:

– Быстро, как только можешь, беги за папой!

Эстер Кейси встала на колени, потом села, потом легла прямо на пыльную обочину и повторяет:

– Быстрее, быстрее!

Эхо Лоуренс: Рэнт говорит, бабушка ему сказала:

– Беги быстрее, но если не успеешь, помни, что я тебя все равно люблю...

Кэмми Эллиот (J детская подруга Рэнта): Убейте меня, если вру, потому что я не вру. Когда дул очень сильный ветер, миддлтонские собаки вообще с ума сходили. Как дунет, все мусорки на боку. Собаки балдеют.

В шестом классе девочкам рассказывают, что не растворяется в коллекторе. Весь женский мусор надо заворачивать в газету и зарывать поглубже в мусорку. Если ассенизаторы приедут вычищать твой коллектор и найдут лишнее, родителям придется раскошелиться.

Когда мусорку опрокидывает ветром, зависит от дома, конечно, но повсюду летят грязные прокладки. В ветреные дни у всех «праздники». Прокладки ходят по дороге целыми отрядами. Газетную обертку сдувает, и видна темная кровь, а на ней налипший песок и репей. И семена травы, как булавки в подушках. Прокладки вылетают из каждой перевернутой мусорки, уже не отряды, а целая армия, маршируют, куда ветер дует. Пока не натыкаются на изгородь. Или на кактус.

Шот Даньян: Рэнт слышал, как поблизости лают и грызутся собаки. Он не хотел оставлять бабушку, но она говорит: беги.

Кэмми Эллиот: Честно! Колючая изгородь на три проволоки вся в белой вате, как на Рождество. А подойдешь ближе, чем надо, – увидишь презервативы, которые нанизались на проволоку, как сдутые воздушные шары. Болтаются на ветру, зеленые, серые или голубые, и во всех что-то белесое.

Болтаются на колючках прямо перед тобой, тонкие прокладки на каждый день и толстые, с крылышками, для «критических». Презики гладкие и ребристые.

Причем бывают такие необычные, каких в местном магазине сроду не продавали.

Старая кровь, куски такие черные, как гудрон. Кровь бурая, как кофе. Или водянисто-розовая кровь. Или сперма, которая уже почти как водичка.

Многие, особенно мужчины, думают, что кровь – она всегда кровь. Но на целой миле изгороди не найдешь два похожих тампона.

Иногда попадают лобковые волосы. Светлые, каштановые, седые. Стоит ветру дунуть хорошенько, все миддлтонцы повисают, как птички на телефонной линии. Как агитационная выставка на окружной ярмарке.

Шериф Бэкон Карлайл: Самое трудное, скажу я вам, было удержать собак дома. Можно было не видеть мутняшку и кровь на проволоке, и так понятно: мусорку опрокинуло. Собаки как бешеные, скулят, скребут лапами двери. Краску соскребают, коврики дерут, чтобы добраться до запаха, такого слабого, что только собака и учует.

На улицу они совсем не так просятся. Унюхивают, как эти резинки и бабьи затычки мотаются на жаре, и прям слюной исходят.

И не дай бог дверь открыть. Почти все сразу садятся на телефон, звонят, ругаются, просят кого-нибудь собрать.

Кэмми Эллиот: У нас места такие ровные, что видно все отовсюду. Нормальные люди стыдятся ходить возле секс-торнадо. Никто не хочет показывать остальным, как он собирает всякий срам, будто спелые помидоры.

Или все пойдут собирать свое – или никто.

Так что всегда все спорят. Все такие приличные, что никак не соберут грязь.

Мэри Кейн Харви (J учительница): Если бы я не работала в школе, о, я бы столько вам порассказала! Бастер Кейси – исключительный молодой человек.

Шериф Бэкон Карлайл: Не забывайте, некоторые, и ФБР в том числе, считают, что бабушка Эстер была жертвой Рэнта номер один.

Мэри Кейн Харви: Бастер никогда не получал по литературе и письму выше «удовлетворительно», но казалось, он может построить целый мир из каких-нибудь палочек, камушков и горстки выученных слов. Это как трэмп-арт, поделки заключенных или моряков, которые трудятся над ними месяцами. Как настоящая модель Ватикана из спичек или Акрополь, склеенный из кусочков рафинада. Такие предметы искусства создаются из простых материалов почти без инструментов, но требуют огромных затрат внимания и времени. Памятники терпению.

Боуди Карлайл: Расскажу, чтобы вы поняли, как за Рэнтом в последнем классе все бегали.

Однажды вечером наши собаки завывали и давай скрести дверь. Как раз дул ветер, и не надо было солнца, чтобы понять: опять секс-торнадо.

Пришел Рэнт, стучит нам в кухонную дверь. Мама по телефону с кем-то ругается, а Рэнт машет мне: мол, выходи. Через плечо у него пустая холщовая торба.

Увидев торбу, мама мотает головой: нет, мол. Но я пинками отгоняю собак от двери и выхожу в темень за Рэнтом. Ветер треплет нам волосы, сдувает вбок воротники рубашек.

На изгороди болтается что-то белое, дикое, живое, как кролик в силках. И презервативы, как серые слюнявые языки. Рэнт снимает один, подносит почти к губам и нюхает. Говорит:

– Преподобный Кертис Дин Филдс. – Улыбается. – Я б эту вонь везде узнал!

Бросает презик в торбу. Потом берет прокладку с малюсенькой красной точкой. Красное пятно на белой подушке, при свете луны совсем черное. Рэнт нюхает пятно и хмурится.

Потом закрывает глаза и снова нюхает. Говорит:

– Да, Лу-Энн Перри, точно, только она опять взялась пить эти фторидные таблетки...

Протягивает мне: мол, понюхай, но я мотаю головой. Не дождавшись помощи от «порядочных», Рэнт собрал весь мусор и угадал каждый член и каждую щель.

Мэри Кейн Харви: В Миддлтоне молодежи фактически негде развиваться. Общественная жизнь сосредоточена на церковных или школьных мероприятиях. Каждые выходные в зале фермерской ассоциации проводят вечеринку, весной бывают танцы с призами, перед каникулами – ярмарка ремесел. На Хэллоуин каб-скауты, чтобы собрать денег, устраивают «дом с привидениями».

Боуди Карлайл: У Рэнта Кейси был нюх, как у собаки. Он, точно породистая гончая, мог выследить по запаху любого. Вечерами дома не сидел, и это его нюху только помогало. За ним в школе все бегали, потому он и знал, чье имя за каждым запахом. К двенадцатому классу эти таланты начали на него работать.

– Смотри сюда, – говорит Рэнт и показывает мне белую подушку с узеньким красным цветком посредине. Маленьким, как фиалка. Даже не нюхая, он говорит: – Мисс Харви, учительница английского.

Ветер приносит вой невидимых собак, звуки нас обтекают.

Что это мисс Харви, он догадался по форме пятна.

– Получается отпечаток киски, – говорит Рэнт, обводя пальцем пятно. – В сто раз неповторимее, чем отпечаток пальца.

Это пятно, говорит, вылитый поцелуй ее нижних губ.

Можно было не спрашивать, откуда Рэнт знает про нижние губы мисс Харви. Как другие рисуют следы животных, он мог нарисовать тебе поцелуи самых разных кисок – что здешних, что проездом. По тому, как был надет презерватив, Рэнт догадывался, с чьего он члена.

В окне кухни виднелся силуэт моей мамы. Она стояла у раковины, выставив локоть, рукой прижимала телефон к уху. Наверное, на нас смотрела. Скорее всего.

Рэнт снял еще одну белую прокладку с темным пятном. Понюхал, оглянулся на мой дом.

Я его спрашиваю:

– Это кто? – и киваю на запекшуюся кровь.

Новый отпечаток – цветок побольше, чем у мисс Харви. Подсолнечник по сравнению с ее фиалочкой.

Рэнт открыл свою торбу и говорит:

– Выбрось из головы.

Нет, правда, говорю я и тянусь за прокладкой:

– Дай понюхать!

Рэнт бросает «подсолнечник» в торбу, идет дальше вдоль изгороди и говорит:

– Я почти точно знаю, что это твоей мамы.

Моя мама смотрит на нас. А по телефону с кем-то ругается.

Когда я гулял с Рэнтом Кейси, время часто останавливалось. В тот раз оно тоже застряло. Этот вечер вечно прокручивается у меня в голове: как над нами висели старые звезды, на которые загадывали желания тогда и загадывают сейчас.

Какая была луна, точь-в-точь как сегодня.

Шериф Бэкон Карлайл: Пока Рэнт Кейси прибежал в церковь и мы подоспели к Эстер, ее уже нашли собаки. Старую Эстер, мать Айрин. Айрин осталась собирать ошметки.

Боуди Карлайл: Трахал Рэнт Кейси мою мать или нет, я так и не набрался смелости спросить.

4 – Фальшивые звезды

Эхо Лоуренс (R автосалочница): Когда Рэнт еще не ходил в детский сад, но уже спал в обычной кровати, мать устраивала ему тихий час. Как только большая стрелка кухонных часов указывала на цифру «два», Рэнта заставляли идти наверх и лежать до трех, даже если он был не сонный. Рэнт клал голову на подушку и обнимал плюшевого зайца, которого называл Мишкой.

Попробуйте вспомнить, когда ваши родители впервые увидели, что вы не крошечная копия их самих. Что вы похожи на них, но лучше. Образованнее. Невиннее. А теперь вспомните, когда вы перестали быть их мечтой.

Если ярко светило солнце и на улице лаяли собаки, маленький Рэнт говорил:

– Мишка хочет пойти поиграть...

Если Рэнт не устал, он говорил:

– Но Мишка не хочет спать!..

Руби Эллиот (J соседка): Мы, девочки, которые учились вместе с Айрин Шелби, знаем, что Бастер Кейси мог вообще не родиться. Когда к ней примазался

Честер, Айрин было не больше тринадцати, а в четырнадцать она родила. Если честно, Айрин была не в восторге, что в девятом классе у нее на животе растяжки и она кормящая мать.

Эдна Перри (J соседка): Если что, я вам ничего не рассказывала, но до того, как появился Бастер, Айрин говорила, что хочет писать картины и делать статуи. Так и не решила какие. Она даже ходила к доктору Шмидту, чтобы избавиться от ребенка. Просила разрешения у преподобного Филдса. Тут еще ее собственная мать, Эстер Шелби, заявила, что ребенок станет дьявольским проклятием во плоти.

Эхо Лоуренс: Айрин целовала Рэнта в лобик. Садилась на край кровати и грозила пальчиком зайцу:

- Нам все-таки нужно поспать!

Говорила:

- Давай посчитаем звездочки, пока не захочется спать.

И заставляла его считать: одна... две... все наклейки-звездочки на потолке. Четыре, пять, шесть... Пятясь, выходила из комнаты и закрывала за собой дверь.

Руби Эллиот: Я не вру: Эстер сама родила Айрин почти в том же возрасте! И только Чет Кейси был за то, чтобы малыш Рэнт пришел в этот мир. Чет с Айрин поженились, но ей пришлось бросить школу. Сегодня, когда все знают, какую дорожку выбрал Бастер Кейси и какую он устроил эпидемию, понятно, что Айрин зря послушала Чета.

Эхо Лоуренс: Именно тогда, глядя невидящими глазами в потолок, Рэнт исследовал теплые глубины своей головы. Каждый день с двух до трех Рэнт лежал и ковырял в носу. Выуживая тянучие козявки, он катал их между пальцами, пока не почернеют. Черный шарик приставал то к одному пальцу, то к

другому и не падал, сколько ни трясى рукой. Каждый слизистый шарик Рэнт приклеивал над подушкой, и белая стена покрывалась черными перчинками. Лепнина из соплей. Приплюснутые кругляши с петлями и завитками – отпечатками Рэнтова пальца. Сувениры из путешествий внутрь головы. Вечный портрет указательного пальца правой руки. Пятнистая радуга, пунктирная арка, которая росла вместе с рукой. Высохшие сопля у самой подушки были простыми черными точками, пыльными памятками о раннем детстве. Через сто дневных снов точки превратились в изюмины, прилепленные на всю длину руки Рэнта, если лежать на спине и не поднимать голову с подушки.

Потолок детской Айрин Кейси оклеила звездочками, которые в темноте светились зеленым.

Изголовье Рэнта было как негатив ночного неба. Липкие черные точки обозначали другие созвездия. До того дня Рэнт не видел разницы.

Эдна Перри: Скажу вам по секрету: первой, кому испортил жизнь этот маньяк Рэнт Кейси, стала Айрин. Первое светлое будущее, которое он уничтожил, было будущим его собственной матери.

Эхо Лоуренс: В тот день, когда Рэнт перестал быть ангелом, мать подтыкала ему одеяло. Наклонившись, она поцеловала Бадди, чтобы тому снились сладкие сны. Круглое личико малыша утопало в подушке. Длинные ресницы трепетали на розовых щечках.

На старых фотографиях Айрин Кейси очень хорошенькая. Не просто молодая, а хорошенькая, какими бывают, когда лицо разглаживается, а кожа вокруг глаз и губ расслабляется. Такой красивой выходишь, только если любишь того, кто тебя снимает.

Мать Рэнта – красивая молодая мама, прикосновение мягких губ за ушком. Шепот: «Спи крепко!», теплое дыхание с привкусом сигарет. Конфетный запах шампуня. Цветочный аромат крема.

Она дышит ему в ухо:

– Ты мамино сокровище! Ты мой ангелочек!

Так говорят почти все матери, пока они с ребенком единое целое.

– Ты мамин самый лучший человечек...

В тот миг, еще до мертвых коровьих глаз, укусов гремучих змей и эрекции на уроке, именно в тот миг Рэнт и его мать в последний раз настолько близки. Так любят друг друга.

Тот миг... Конец всего, что хотелось бы продлить навечно.

Доктор Дэвид Шмидт (J миддлтонский врач): По моему мнению, оба Кейси были довольно плохими родителями. Я не раз наблюдал, что многие молодые люди считают своих детей чем-то вроде розыгрыша. Или наказания. А ребенок просто есть. Он не отделан хромом, на нем нельзя разъезжать по дорогам. Он не даст вам работу в кабинете с кондиционером.

Чет Кейси считал ребенка одновременно худшим врагом и лучшим другом.

Эхо Лоуренс: И вот мать Рэнта наклоняется над кроватью. Одной рукой она убирает волосы с лобика малыша. На нее смотрят ярко-зеленые глаза, огромные на детском личике. Его глаза считают ее звезды.

Хорошенькая молодая мама Рэнта встает, чтобы пойти на кухню, или в сад, или к телевизору, но замирает. Не разгибаясь, она смотрит на стену над подушкой, сощуривается, напрягает глаза. Ее губы приоткрываются. Серые глаза моргают, моргают, впериваются в стену, красивый остренький подбородок тонет в шейных складках. Мать Рэнта тянет руку, чуть выставив палец вперед, чтобы что-то скovyрнуть ногтем. На гладкой коже между бровей появляется бороздка.

Рэнт крутится в постели, выгибает спину, чтобы увидеть, куда смотрит мама.

Мать спрашивает:

- Что это?..

Она стучит ногтем по черному комку, кусочку чего-то мягкого, похожего на раздавленный изюм. Комок отстает от стены и падает на подушку рядом с Рэнтом. У его лица крошечный черный отпечаток пальца.

Мать Рэнта обводит глазами всю арку черных точек, целый рой слизистых клякс, которые спиралью сходятся к голове ее ангелочка.

Как говорил Рэнт: «Некоторые из нас рождаются людьми. Остальные...»

В некотором смысле все одинаковы. Присмотрись - и увидишь высохшие сопли. Мы все находили что-то клейкое под сиденьями и столами.

Преподобный Кертис Дин Филдс (J пастор миддлтонской христианской общины):
Маленький Рэнт? Не было греха, который он бы не мог совершить. Нет, Бадди вырос таким грешником, что грехов его хватило на всю семью.

Эхо Лоуренс: Этот миг был из тех, что длятся всю жизнь. Он промелькнул перед Рэнтом за секунды до смерти. Время замедлило ход, притормозило, замерло. Стало одиноким островком в огромном мутном океане детства.

Миг, растянутый в годы, сморщенное, искаженное лицо матери. Кожа пропала, остались лишь мышцы. Губы задрались, истончились, обнажили зубы и розовые десны. Веки задергались, задрожали, пальцы иссохли и скрючились, как когти. В этот вечный миг красивая молодая женщина, наклонясь над постелью Рэнта, обратила к сыну новое лицо старой карги и прохрипела:

- Ты...

Карга сглотнула, трепыхнув тощим кадыком. Потрясла дряхлыми когтями перед пятнистой стеной.

- Ты...

Рэнт, лежавший на спине, изогнулся, чтобы посмотреть на свою гордость, на свою коллекцию.

Со всеми такое бывало: когда родные впервые понимают, что ты растешь не таким, как они.

Фальшивые звезды Айрин против настоящих соплей Рэнта.

Его гордость и ее стыд.

Лоуган Эллиот (3 детский друг Рэнта): Я не вру. В детстве Кейси не делал ничего особенного. Ну, разве только вырывал корни и сжигал мосты.

Шот Даньян (R автосалочник): В такие моменты ты словно неудачный эксперимент, от которого родители никогда не отрестятся. Утешительный приз. А сами мать и отец – это бог, причем настолько тупой, что не создал ничего лучшего, чем ты.

Ты растешь и становишься ходячим доказательством, что родители не идеальны. Их несостоявшимся шедевром.

Эхо Лоуренс: Мать выпрямилась и посмотрела на маленького Рэнта с высоты собственного роста. Она сказала низким и чужим голосом, который потом всю жизнь отдавался у Рэнта в ушах:

– Ты мерзкое маленькое чудовище!

В тот день Рэнт перестал быть для матери «Мишкой». И по-настоящему появился на свет. Родился.

Первым делом в новой жизни Рэнт заснул.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (R Историка): На следующий День Благодарения после того, как «черные вдовы» закусили бабушку Эстер, Айрин Кейси перестала сидеть на кухне, хотя следующей на очереди за взрослый стол была Хетти, прабабушка Рэнта. Очередность была не менее четкая, чем записи имен и дат жизни в семейной Библии.

Шот Даньян: Что, жутко? К вечеру бабка Хетти начинает ерзать и чесаться. Лисья горжетка, которую она надевает по всякому торжественному случаю, две или три лисьи шкуры с набитыми головами и лапами приколоты вокруг шеи – так вот, эта гребаная горжетка полна блох.

Жутко – не то слово. На старого человека ветер дунет, и он готов. Перелом бедра. Пчелиный укус. Ложка тунца с душком. Блохи, как «черные вдовы», еще одна неотъемлемая часть счастливой жизни на лоне природы. Не знаю кто – бурундуки, сурки, суслики, кролики, овцы или белоногие мыши, – но какие-то зверюги нанесли им блох. Сначала у бабушки Хетти болит горло и голова. Потом – живот. Потом начинается сильная одышка. Час в больнице, и она умирает от пневмонии.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Последняя эпидемия чумной палочки *Yersinia pestis*, переносимой крысами, имела место в Лос-Анджелесе в 1924-м и 1925 гг. Оказалось, распространение инфекции было вызвано повсеместным уничтожением колоний луговых собачек, для чего в колонии вводили животных, зараженных чумой. К тридцатым годам 98 процентов местной популяции луговых собачек вымерли, а оставшиеся 2 процента до сих пор являются бессимптомными носителями бубонной чумы.

Эхо Лоуренс: Он часто просыпался от собственного крика. В кошмарах, как рассказывал Рэнт, он видел вуальку бабушки. Черное кружево вдруг начинало шевелиться, шляпа оживала, разрывала себя на клочки, черные нити ползли по щекам и кусали бабушку Эстер. Она кричала. Еще в этих кошмарах Рэнт слышал, как лают собаки, но никогда их не видел.

Шериф Бэкон Карлайл (J детский враг Рэнта): В этих снах его просто-напросто совесть мучила! За то, что убивал старушек. И разносил заразу.

Шот Даньян: Такие милые пушистики из фильмов о природе. Каждый год около двадцати человек сталкивается с чумной мешетчатой крысой или бурундуком. Их лимфоузлы раздуваются, как шары, пальцы на руках и на ногах чернеют, и они умирают. Люди, конечно. Не пушистики.

Эхо Лоуренс: А вы спросите у Айрин Кейси о стене в комнате Рэнта. Она ведь в конце концов все заклеила обоями. Для нее сухие сопли вреднее асбеста.

Даже когда Рэнт вырос и стал жить в отдельной квартире, стену над его кроватью лучше было не трогать.

Айрин Кейси (J мать Рэнта): Насколько я помню, мы действительно оклеили спальню Бадди обоями, когда ему исполнилось два или три года. Там были ковбои, которые стреножили лошадей, и кактусы, все это на коричневом фоне, чтобы не было видно грязи. Ужасно темный рисунок, но для комнаты мальчика практичный.

А если вы про козявки на стене – этого больше не повторилось. Бадди был прелестным ребенком. Настоящим ангелочком! Мы наклеили ему на потолок звезды, которые светятся в темноте, и его маленькие ковбои скакали под звездами. Да, про козявки все правда, но остальное... Я бы никогда не назвала своего ребенка чудовищем или дьявольским проклятием.

И Бадди не стал бы об этом рассказывать.

Боуди Карлайл (J детский друг Рэнта): За несколько недель до Пасхи руки миссис Кейси начинали вонять уксусом. Хуже, чем осенью, когда ставили маринады. На плите у миссис Кейси постоянно кипела вода. Сначала – чтобы сварить яйца. Потом – чтобы их выкрасить. В эту воду она добавляла уксус и резала всякое барахло, чтобы был цвет.

Кейси, хотя и жили в деревне, кур не держали. Худшее, что в наших краях можно сказать о людях, – что они покупают яйца. А миссис Кейси покупала. Причем только белые, леггорновские, и в основном на Пасху.

Если открыть сетчатую дверь на кухню Кейси – тр-р-р... бэмс! – увидишь, что миссис Кейси сидит, облокотившись на стол. Очки для чтения сползли на кончик носа. Голова откинута. Посреди стола белая свеча, толстая, как церковная, с ароматом ванили. Вокруг пламени образовалось прозрачное озерцо растопленного воска. Миссис Кейси макает в этот воск вышивальную иглу, а в другую руку берет белое яйцо. Зажимает яйцо между указательным пальцем и большим, чтобы можно было его крутить, и пишет растопленным воском на скорлупе.

Хочешь, не хочешь – засмотришься.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (R Историка): Молодежь украшает свой дом зеркалами. Старики – картинами. А жители деревенских общин, по моему скромному наблюдению, демонстрируют свои поделки – сомнительные результаты наличия некоторого свободного времени, узкоспециальных моторных навыков и недорогих материалов.

Боуди Карлайл: Эти узоры были невидимы, как секретные письма, и только миссис Кейси знала, где на белом яйце нет белого воска.

На плите бурлят кастрюли, из каждой свой запах вперемешку с уксусом. Лук. Свекла. Шпинат. Вонючая краснокочанная капуста. Черный кофе. В каждой кастрюле свой цвет: желтый, красный, зеленый, синий, коричневый. Все выкипает и разваривается. Обеда нет.

Она скосила глаза на кончик носа и так внимательно смотрит на воск, что рот открывается. А рот у нее каждый день в году покрашен алой помадой. И вот она, не глядя на нас, говорит:

– Если жуετε смолу, выплевывайте. Над плитой лежат крекеры!

Мы – это я с Рэнтом.

Если проторчать на кухне подольше, миссис Кейси могла рассказать, как воск не дает яйцу покраситься. У ее локтя лежали яйца, сваренные вкрутую. Они казались белыми, а на самом деле были раскрашены, то есть размечены. Когда смотришь, как миссис Кейси рисует на яйцах, забываешь, что снаружи тебя ждет муравейник. Илидохлый енот. Или коробка спичек.

Даже если хочешь обедать, обо всем забудешь!

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Любопытно, что столь многие культуры занимаются требующим высокой концентрации, но эфемерным искусством как духовным ритуалом, молитвой или медитацией.

Боуди Карлайл: И вот однажды миссис Кейси облокотилась о стол, окунает иглу в воск, в другой руке держит яйцо и, не глядя на нас с Рэнтом, говорит:

– Берите по яйцу или кыш отсюда! А то я нервничаю.

Миссис Кейси дала нам по игле и холодному крутому яйцу и наказала не трясти стол.

– Сначала придумайте что-нибудь, – говорит.

И показала, как окунать кончик иглы в свечу и подносить прозрачную капельку воска к скорлупе магазинного леггорновского яйца.

– Рисуйте иглой то, что вы придумали, – говорит.

Капля за каплей. Белое на белом. Невидимый узор.

Секрет.

Рэнт ей:

– А ты мне скажи! Я не могу придумать, что нарисовать.

А мать ему:

– Что-нибудь придумается.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: И словенские писанки, и песчаные мандалы тибетских буддистов объединяет то, что внимание художника полностью сосредоточивается на объекте. Несмотря на эфемерность результата, сам процесс помогает выйти за пределы времени.

Боуди Карлайл: Рэнт, я и миссис Кейси сидим за кухонным столом, склонившись над свечой, крошечное пламя которой тонет в солнечном свете, и рисуем то, что знаем только мы. Никому не хочется есть. Был бы только воск и яйцо в руках. Несмотря на запахи всякой вкусной зелени из кастрюль. Мы даже не вздрогнули, когда сетчатая дверь открылась – тр-р-р... бэмс! – и в кухню зашел мистер Кейси.

– Что на обед? – спрашивает он.

– А ты разве сегодня не поел в столовой? – говорит миссис Кейси, скосившись на яйцо.

Рэнт замер и перестал брать из свечи воск. Не шевелится, не дышит.

А я – я рисую на своем яйце восковой день: солнце с лучами, дерево, мой дом, облачко в небе, и все это знаю только я.

Мистер Кейси говорит:

– Айрин, не делай этого с парнем.

Миссис Кейси ему:

– Ты же сказал, что поешь в столовой.

Мистер Кейси подходит к плите, сует нос в каждую кастрюлю и говорит:

– Не порть его.

Не отрываясь от своего яйца, от невидимой тайны, миссис Кейси переспрашивает:

– Что-что не делать?

Рэнт ничего не рисует.

Мистер Кейси говорит:

– Не порть парня, ему жениться!

И тянется к миске с яйцами, что стоит у ее локтя. Яйца чисто-белые, но на самом деле расписанные ее тайными письменами за все утро. Невидимое искусство.

– Не эти! – говорит миссис Кейси, поднимая глаза и глядя на него поверх очков.

Но два яйца уже исчезли, пропали в руке мистера Кейси.

Тогда миссис Кейси как закричит, громко-громко, будто на улице:

– Не эти!!!

Мистер Кейси отворачивается к окну и – стук, стук, стук! – стучит яйцами о край раковины, чтобы их почистить.

А я – я рисую в небе невидимую восковую птицу, которая пролетает над моим домом. И на дереве ставлю малюсенькие капельки воска – яблоки.

В тот полдень я впервые почувствовал, что время остановилось. Рэнт и его мама застыли, вокруг серный запах яиц, уксуса и переваренных овощей, проходит неделя, лето, сотня дней рождений. Мы сидим, а солнце в окне над кухонной раковиной стоит целый век.

Даже настенные часы затаили дыхание.

Мистер Кейси ел яйца, глядя из окна. В его тени пламя свечи стало видимым. Скорлупки, воняющие серой, он бросает прямо в слив. Съедает эти два яйца, и сетчатая дверь – тр-р-р... бэмс! – закрывается.

Тогда солнце шевельнулось и поплыло к оконной раме. Время снова пошло. И все часы затикали.

Шериф Бэкон Карлайл (J детский враг Рэнта): Не надо объявлять Чета Кейси негодяем за преступления его сына. Как я понимаю, с рождения мы никого не любим. Любовь – это навык, который надо освоить. Как собака учится не гадить дома. Или как талант, который ты развиваешь или не развиваешь. Или мышца. Если ты не научился любить кровную родню, ты никогда не полюбишь по-настоящему. Никогда и никого.

Боуди Карлайл: Когда миссис Кейси деревянной ложкой положила первое яйцо в краску, мы впервые за весь день увидели секретные картинки друг друга.

Она опустила мое яйцо в кастрюлю с вареной краснокочанной капустой, которая воняла уксусом и газами, а достала его голубым. Как небо. Если не считать тех мест, где воском были нарисованы яблоня с яблоками, дом, облачко и солнце на небе. Мой дом, куда я хотел вернуться до того, как придет мистер Кейси.

Свое яйцо миссис Кейси положила в кастрюлю с вареной свеклой и достала красным. Как кровь. Если не считать восковой росписи, сложной, как паутина или кружевной тюль. Только это не тюль, а какие-то слова. Красивые, как стихи

в «валентинках». Слишком красивые, чтобы читать.

Мать Рэнта берет в ложку его яйцо и спрашивает:

– В какой цвет?

– В зеленый, – говорит Рэнт.

– В зеленый так в зеленый, – говорит она и кладет яйцо в кастрюлю с разбухшим скользким шпинатом.

Когда миссис Кейси достает яйцо из кастрюли, оно какое-то полосатое. Расчерчено на квадратики.

Рэнт трогает яйцо пальцем. Потом еще раз. Берет с ложки. Ухватив его с одного конца, опускает другой в кастрюлю с вареным луком. В желтую краску.

Рэнт поднимает желто-зеленое яйцо в полоску. Белые восковые линии похожи на линии на школьном глобусе.

– Красивый ананас, – говорит миссис Кейси.

– Это не ананас, – поправляет ее Рэнт.

Наполовину зеленое, наполовину желтое, расчерченное на квадратики. Рэнт поднимает его, зажав пальцами, и говорит:

– Это осколочная граната МК-2.

Начинена, говорит, гранулированным тротилом. Дальность броска – до ста футов. Радиус рассеивания осколков – тридцать три фута. Чугунный корпус с бороздами для улучшения дробления при разрыве. Радиус убойного действия – семь футов.

Рэнт кладет «гранату» на кухонное полотенце, где сушатся яйца, мое – синее, его мамы – красное. И говорит:

- Давайте таких побольше наделаем!

Эхо Лоуренс (R автосалочница): По рассказам Рэнта, сад безраздельно принадлежал его матери. Газон – отцу. Айрин узнавала время по цветам. После крокусов – тюльпаны, незабудки, ноготки, львиный зев, розы, красоднев, рудбекия и подсолнух. После шпината – редис, салат и ранняя морковь. Для Честера Кейси одна неделя – это время между стрижками газона. Один час – пора передвигать разбрызгиватель. Мы все живем по разным часам и календарям.

Однажды на Пасху, рассказывал Рэнт, его мать спрятала яйца в тюльпанах и розовых кустах. Дала ему корзинку и говорит:

- Счастливой охоты, Бадди!

У Рэнта на руке до сих пор остался шрам, где паук его укусил.

Боуди Карлайл: Утром на Пасху Рэнт сует руку под какой-то цветок или куст и отдергивает. Его глаза – чпок! – выпучиваются: на руке сидит паук. Рэнт сшибает его, но кожа уже покраснела. Вены потемнели, набухли, укус жжет и дергает.

Рэнт с плачем бежит на кухню жаловаться. Пальцы уже распухли и затвердели, рука как бейсбольная перчатка.

Мистер Кейси бросает взгляд на сына: одна рука толстая и красная, в другой болтается розовая пасхальная корзинка, щеки все мокрые. И говорит:

- Замолкни!

Шот Даньян (R автосалочник): Рэнт очень хорошо помнил, как по дороге в церковь умерла его бабушка Эстер. Как ее зубные протезы прикусили язык.

Боуди Карлайл: А миссис Кейси – та в ванной наводит марафет.

Мистер Кейси шлепает Рэнта по задку, обтянутому лучшими воскресными брюками, и говорит не приходить домой, пока не найдет все яйца.

Рэнт все мотает распухшей рукой, хнычет, что это «черная вдова», что он сейчас умрет. Плачет, больно, мол.

Отец разворачивает его за плечи и выталкивает во двор.

– Когда принесешь все яйца, позовем тебе врача! – Мистер Кейси закрывает перед ним сетчатую дверь и добавляет: – Если поторопишься, может, руку не отрежут!

Шериф Бэкон Карлайл: Рэнт всегда говорил: надо уезжать, выбираться отсюда и искать себе новую семью. Но я думаю, это невозможно. Если не можешь принять родных со всеми их недостатками, ни один чужой тебя не устроит. Рэнт научился только бросать семью.

Боуди Карлайл: Рэнт весь нарядный: галстук-бабочка, белая рубашка, черные лакированные туфли, поясок.

Обычная, даже скучная охота за пасхальными яйцами превратилась в гонки со смертью. Детские ручонки раздвигают цветы, ломают стебли. Ноги топчут петунии. Давят зеленую бахромку моркови. Рэнт чувствует, как с каждым стуком сердца яд из руки перекачивается ближе к мозгу. Боль от укуса почти пропала, онемела кисть, потом и вся рука.

Мать выходит на улицу и видит, как Рэнт сопит, уткнувшись носом в компостную кучу, в которую превратил ее сад. На лице – паутина из слез и грязи.

Эхо Лоуренс: Так его и оставили. Сели в машину и поехали на пасхальную службу.

Опять тот же миг. Конец того, что хотелось бы продлить навечно.

Боуди Карлайл: Рэнт так и не нашел остальных яиц. Родители приезжают домой, а он показывает им те три, что уже были в корзинке. И все. За весь день – три яйца и паучий укус. Зато рука съежилась до нормального размера.

Из-за этого самого паука, из-за этой «черной вдовы», Рэнт подсел на яд.

Даже сама миссис Кейси, которая долго бродила среди своих помятых и вырванных цветов, не нашла ни единого яйца. В это лето ее саду пришел безвременный конец. А через неделю – газону мистера Кейси.

Эхо Лоуренс: Вот смотрите. Рэнт рассказал мне, что нашел все яйца и сложил в коробку, которую спрятал в каком-то сарае. Каждую неделю он тайком приносил два-три яйца и прятал в какой-нибудь ямке, как раз перед тем, как его отец собирался стричь газон. А яйца уже стали черными, противными и тухлыми до невозможности.

Когда его отец натыкался на такое яйцо газонокосилкой, взрывалась бомба и все заливала вонью. Лезвия косилки, траву, ботинки и штаны отца. Разрисованные гранаты Рэнта стали минами. Газон и сад – зонами поражения. Рэнт говорил, у них во дворе выросли настоящие джунгли. Все стены в черных вонючих брызгах, а трава такая высокая, что веранды не видно, будто в доме никто не живет.

Боуди Карлайл: Часть яиц он покрасил в серый с красной полоской, как гранаты ABC-M7A2 со слезоточивым газом, а остальные – в салатовый с белым верхом, как дымовые AN-M8.

Миссис Кейси перелила всю краску в бутылки. Алые и желтые, синие и зеленые бутылки – вот все, что осталось от ее сада. Чтобы краска не выцвела на солнце, миссис Кейси спрятала ее подальше в шкафчик над холодильником.

Весь год Рэнт воровал разноцветную краску. До самого Рождества он выуживал из грязного белья отцовские трусы и капал туда пипеткой чуть-чуть желтого.

Каждый раз, помочась сидя, мистер Кейси мотал членом, чтобы стряхнуть последнюю каплю. Даже промокал бумажкой. Но каждую неделю у него в трусах появлялись желтые пятна. Когда Рэнт перешел на красный, его отец чуть не умер от страха.

Эхо Лоуренс: Уже взрослым Рэнт любил сачковать с работы, закапав в глаза красной пищевой краской. Говорил начальнику – конъюнктивит. Ну, знаете, воспаление глаз. Чтобы получить больничный на неделю, капал желтым, мол, гепатит. А высший пилотаж – это когда Рэнт приходил на работу и ждал, чтобы его цветные глаза увидели другие. Тогда шеф сам заставлял его идти домой.

Рэнт забирал меня, и мы ехали искать себе команду.

Боуди Карлайл: Мистер Кейси потратил уйму денег, чтобы вылечить инфекцию мочевого пузыря, которой у него никогда и не было. Съел столько антибиотиков, что весь год не мог нормально сходить по-большому.

Эхо Лоуренс: Перед гибелью Рэнт дал мне вареное яйцо. Сказал, что на скорлупе что-то написано воском, но прочитать это невозможно, потому что воск белый и яйцо белое. Если с ним что-то случится, сказал Рэнт, я могу покрасить яйцо и прочитать послание.

Теперь яйцо такое старое, что я боюсь его трогать. Если скорлупа треснет, будет такая вонища, что меня выселят.

Боуди Карлайл: Уже после того, как Рэнт уехал в город и погиб, приезжали фэбээровцы, устроили мне допрос с пристрастием. Вы бы видели, как у них глаза загорелись, когда я рассказал о пасхальных гранатах!

Айрин Кейси (J мать Рэнта): Зимой после того лета, когда Чет перестал стричь газон, все собачьи стаи валялись у нас во дворе. Втирали в шерсть эту вонь. Те

же самые, что разорвали бабушку Эстер. Не понимаю, как может нравиться такая гадость! Вонь мерзкая до ужаса, а звери ею будто гордятся.

6 – Зубная фея

Боуди Карлайл (J детский друг Рэнта): Можете смеяться, но одно лето палочка лакрицы стоила у нас пять золотых долларов. А пластмассовый водяной пистолет – пятьдесят.

Весна Зубной феи поставила всю миддлтонскую экономику с ног на голову.

А начиналось все так. Однажды в субботу Рэнт приходит в скаутском галстуке и говорит моей матери: мы, мол, уходим на целый день собирать старые банки из-под краски. Чтобы получить значок за сбор вторсырья.

Мы с Рэнтом тогда были «галстучными» скаутами. Если родители могли купить тебе только желтый галстук на шею, ты считался каб-скаутом низшего ранга. У других мальчиков, из семей побогаче, была темно-синяя форменная рубашка. У совсем богатых – и рубашка, и брюки. У Милта Томми был настоящий скаутский нож в ножнах, скаутский ремень с латунной пряжкой и компас, который пристегивается к ремню. А еще наградная лента, вся в значках. Он носил ее на каждое собрание.

Бренда Джордан (J детский друг Рэнта): Только никому не говорите! Когда мы с Рэнтом Кейси встречались, он рассказывал мне об одном чужаке. Когда его бабушка Эстер лежала на дороге при смерти, к ним откуда ни возьмись подъехал этот чужак. Пообещал присмотреть за Эстер, да еще посоветовал Рэнту, где найти золото. На вид обычный человек, такой высокий и старый.

Еще этот старикан сказал, что он настоящий отец Рэнта и приехал к нему из города. Сказал, Честер Кейси ему никто.

Боуди Карлайл: Сколько мы ни пыхтели, чтобы заслужить красивый значок, он все равно стоил пять долларов. Такие суммы были не для нас с Рэнтом.

И мы пошли по окрестным фермам с тачкой. Стучались в двери, спрашивали: можно забрать ржавые банки со старой, высохшей краской? Скаутский проект по сбору металлолома, говорит Рэнт, и люди улыбаются, рады сбыть с рук всякий хлам. Так до вечера, пока мы не натаскали в сарай Рэнта целую кучу банок.

Рэнт снимает отверткой одну металлическую крышку. Внутри остатки розовой краски от спальни, которую давным-давно перекрасили. Забытые цвета комнат, перешедших другим хозяевам. Никаких неожиданностей: везде обычная засохшая краска. Вдруг под одной из крышек Рэнт находит скомканную газету. В некоторых комках – что-то твердое. Мы начали их разворачивать и обнаружили старые бутылочки. Черно-синие стеклянные бутылочки и баночки от крема и лекарств.

Газета на ощупь мягкая, как фетр на бильярдном столе, и не белая, а желтая. Там написано о преступлениях, призванных покончить со всеми преступлениями, о войнах и эпидемиях, которые объявляют концом света. Что ни год, то конец света.

Хартли Рид (J владелец магазина «Придорожный»):

Одна девочка – Джорданов – принесла целую горсть золотых монет. Почти все – доллары с головой Свободы тысяча восемьсот девяносто седьмого года выпуска. Я потом узнал, что она камнем расколотила бабушкины вставные челюсти, а на выпавшие зубы выменяла, как это дети называли, «деньги от Зубной феи». Отдала мне монеты и унесла домой кукольный дом по спецзаказу из каталога «Уокерс».

Боуди Карлайл: В банках из-под краски оказалась куча монет. Золотых и серебряных, плотно упакованных, чтобы не звенели. На некоторых – орлы, которые дерутся со змеями. На других – красивые девушки или старики. Девушки стоят и почти голые, а от стариков видны только лица в морщинах.

Рэнт назвал тех, кто спрятал эти деньги, золотыми жуками. Потому что они не доверяли правительству и банку. Не доверяли соседям, семье и даже собственным женам. Старые одинокие скопидомы, сказал Рэнт. Накопили золота и серебра и умерли от сердечного приступа, не успели никому рассказать свою главную тайну.

Еще он сказал, что мы золото не ворует, потому что владельцы давно умерли, а их законные наследники не заслужили любви стариков и не узнали о записках. Пиратские сокровища. Банки с краской, которые стоят по полкам в гаражах, ржавеют в сараях и валяются в кузовах брошенных автомобилей.

Оказывается, Рэнт заранее знал, что там будут деньги. Не в каждой банке, но будут. Он знал об этом давно, но собирать банки не стал, пока не придумал, как объяснить, откуда на нас свалилось такое богатство. Чтобы два «галстучных» скаута, которые не могут купить себе даже скаутский значок, тратили золотые и серебряные деньги, отчеканенные сто и больше лет назад.

Хартли Рид: Спрос и предложение! Никто не заставлял детей тратить деньги под дулом пистолета. Они могли покупать, что захотят. Вполне естественно, когда возрастает спрос, растут и цены. Когда каждый ребенок в деревне просит вишневую шипучку, цена на шипучку обязательно поднимется.

Боуди Карлайл: Инфляция – вот как Рэнт собирался отмыть наши пиратские сокровища. Мы начали спрашивать у всех пятиклассников, начиная с самых близких друзей: у кого зуб шатается? Если у кого-то выпал зуб – хрусть! – мы давали ему серебряную или золотую монетку и говорили: скажи, дала Зубная фея. В пятом классе почти все догадываются, что Зубная фея – вранье, но родители этого не говорят.

Каждые выходные мы собираем банки из-под краски. Заходим на фермы подальше, где еще больше бесхозных денег.

И каждую неделю мы раздаем еще больше золота и серебра и говорим детям: скажите, что это от феи за молочный зуб.

Почти все уже понимали, что Зубной феи нет, и все-таки мамы и папы не хотели признаваться, что наврали про Зубную фею, Санта Клауса и остальных. Мы врем родителям, они врут нам, но никто не хочет признаваться.

Пятиклассники на нас с Рэнтом не доносили, потому что не хотели, чтобы деньги у них забрали, и надеялись получить еще.

Все увязли в одном и том же вранье.

Можно заставить врать уйму народу, если у них есть свой шкурный интерес. А когда все говорят одну и ту же неправду – это уже правда.

Ливия Рошель (J учительница): Я в том году как раз работала в пятом классе. Девочка Эллиотов принесла мне золотую монету и спросила, сколько на нее можно купить шоколадных рулетиков. Мы прочитали про монету в библиотеке. Оказалось, это «голова Свободы» тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года выпуска. На верхней стороне – женский профиль, слово «Свобода» вместо короны, а вокруг – тринадцать звезд.

В книге было написано, что монета стоит пятнадцать тысяч долларов.

Я испугалась, что девочка украла монету, и спросила, откуда она ее взяла. А девочка Эллиотов говорит, что монету оставила Зубная фея взамен зуба, который у нее выпал. И показывает мне дырку. Обычный молочный зуб.

Боуди Карлайл: За премоляры мы давали пять долларов золотом. За моляры – десять. Сайлас Харлан утверждал, что за каникулы лишился двенадцати резцов, девяти клыков и шестнадцати зубов мудрости. На самом деле старшие школьники продавали свои зубы пятиклассникам за половину денег. Кто-то пытался всучить лошадиные зубы, собачьи, даже коровьи, сжеванные по самый корень. Рэнт Кейси стал настоящим зубным специалистом. Мог отличить серебряную пломбу от ртутной амальгамы. Целый, но сломанный зуб от спиленной верхушки. Рэнт складывал зубы у себя в комнате сначала в банках из-под супных консервов, потом в жестянках из-под сигар, потом в обувных коробках, потом в больших магазинных пакетах. Миддлтонский музей зубов.

Благодаря нам обогатился весь пятый класс, и теперь наше с Рэнтом богатство не вызывало подозрений. За каждую отданную золотую или серебряную монету мы оставляли себе по две. У Рэнта получилось в два раза больше, потому что он свои не тратил.

Когда по деревне стали ходить такие деньги, наши траты казались вполне разумными. При новом уровне жизни – даже обычными.

Капитаны брали взятки и пускали на подачу даже самых отстойных игроков. Учителя начальной школы тайком хватали сотни в обмен на отличный табель. Няnek подкупали чистым серебром, чтобы не заставляли идти спать и давали смотреть кино после полуночи.

Ливия Рошель: Мистер Рид из магазина был только рад продавать им конфеты! Вот вам еще один яркий пример: магазин убрал отдел «Подарки для леди» и расширил отдел игрушек и товаров для хобби так, что тот уперся прямо в мороженые полуфабрикаты. Целый год половину магазина занимали шоколадные батончики, пневматические ружья и куклы. За новым печным фильтром приходилось ездить за тридевять земель, зато у нас в магазине было семнадцать видов ракет и хлопушек.

Боуди Карлайл: Мы поняли, что люди готовы продать что угодно кому угодно, если им достаточно заплатить. В Миддлтоне произошла инфляция. Дети, избалованные подарками от Зубной феи, не горели желанием косить газоны. Пустые бутылки, которые обычно собирали и сдавали, теперь валялись на дорогах и никого не интересовали.

У нас это называли «подхалимской» теорией процветания: детки разбогатели, а взрослые лебезят, юлят и подлизываются, чтобы деньги у них выманить.

Задним числом я скажу, что мы с Рэнтом вызвали местное возрождение, экономический бум. Дети купили новые велосипеды, а владелец магазина «Придорожный» наконец заасфальтировал парковку. Осенью все пошли в школу в ковбойских сапогах из кожи ящерицы. На ремнях – пряжки в стиле родео, все в бирюзе. На руках часы, да такие тяжелые, что некоторых детей набор перетягивали.

Второй бум пришел на Рождество, когда Санта Клаус взялся набивать чулки пятиклассников, не важно, хорошо они себя вели или нет, золотом и серебром.

Ливия Рошель: Я пыталась донести до учеников, что реальность – это договор. Все вещи, от бриллиантов до жевательной резинки, имеют ценность лишь потому, что все мы с этим согласны. Законы вроде ограничения скорости – законы потому, что большинство согласно их соблюдать. Я пыталась убедить детей, что золото стоит гораздо больше, чем та дребедень, на которую они его тратят, но передо мной были словно индейцы, которые продавали земли своих предков за бусы и безделушки.

Да, дети Миддлтона подстегнули нашу экономику. Через неделю девочка Эллиотов начала тайком есть конфеты на уроке. К старшим классам ее лицо стало похоже на котлетный фарш.

Эхо Лоуренс (R автосалочница): Самое ужасное, что, кроме Рэнта, почти никто и не знал, на что шли некоторые, чтобы заполучить это золото.

Мэри Кейн Харви (З учительница): Дети рассказывали мне, что одна женщина продает ледяные стружки с вишневым сиропом в бумажном конусе, две порции за золотой доллар. Я часто наблюдала, как ребята два раза куснут лакомство, а остальное бросают прямо в траву на площадку.

Незаработанные деньги тратятся очень быстро.

Бренда Джордан: В каждую семью Зубная фея приходила по-разному. Эллиоты – те заворачивали выпавший зуб в салфетку и клали под подушку. Наутро в салфетке находили денежку. Перри – те кидали зуб в стакан, наливали воды до половины и ставили на кухонный подоконник. Утром на месте зуба оказывались деньги. У Хендерсенов был такой же ритуал, как у Эллиотов, только салфетка кружевная и называлась «зубным платочком». Перри всегда брали один и тот же стакан, красивый, хрустальный, и называли его «зубным стаканом». В моей семье зуб клали в воду и ставили на ночь на прикроватный столик. А окно

открывали так, чтобы оставалась щелка, через которую могла залететь фея.

Один-единственный раз я чуть не выдала Рэнта Кейси. Я тогда поменяла свой зуб в стакане на серебряный доллар Моргана тысяча восемьсот девяносто седьмого года. А утром нашла обычный четвертак, современный. Я поняла, что мои родные подменили деньги, а серебро взяли себе, но надо было притворяться довольной.

Кэмми Эллиот (J детский друг Рэнта): Взрослые врут, что есть Зубная фея. Дети врут им в ответ. Все знают, что все врут. Потом взрослые продают несмышленишкам гелиевые шары по сто баксов. Взрослые воруют у детей, а торговцы обдирают их самих. Жадность на жадности сидит.

Вот вам крест: в то лето миддлтонцы перестали друг другу верить. С тех самых пор ничье слово не имеет ценности. Все считают друг друга обманщиками. И все равно улыбаются и делают реверансы.

Шот Даньян (R автосалочник): На этот День Благодарения на очереди за стол взрослых – бабушка Рэнта, Бел. За ней – дядя Клем. Потом – дядя Уолт и тетя Пэтти. Рэнт рассказывал, его мама стояла и считала на пальцах: четыре, пять, шесть родственников должны умереть, пока она сможет поесть как взрослая.

Еще не кончился обед, как бабушку Бел залихорадило. Жар сто пять по Фаренгейту, а жалуется на озноб. Плюс к этому головокружение, усталость, боли в мышцах. Рэнт говорил, бабушка Бел не могла вздохнуть. Оказалось, в легких водянка – почки уже не работали. На полпути к больнице бабушка Бел перестала дышать.

Эхо Лоуренс: Как выяснилось, бабушка Бел умудрилась подцепить смертельный вирус. Он называется «хантавирус» и передается, как сказал Рэнт, «белоногим оленьим хомячком». Мышь испражняется, и какашки высыхают в пыль. Ты эту пыль вдыхаешь, и за шесть недель вирус тебя убивает.

А бабушка Бел хоть и пожилая дама, но красила губы красной помадой и пудрила нос.

Рэнт говорил, полиция проверила тальк в пудренице Бел, и, конечно, он наполовину состоял из мышинового дерьма. Молотых сушеных кашек каких-то полевых грызунов. Целая пудреница этой гадости. Тайна раскрыта. Вроде как.

Шот Даньян: Только не спешите объявлять Рэнта Кейси этаким серийным убийцей-натуропатом: пауки, блохи, мыши и пчелы. Хотя можно сказать и так...

Боуди Карлайл: На небольшую часть своего золота я купил синюю скаутскую форму, нож, ремень и компас. Поскольку Милт Томми ходил в шестой класс и сокровищ от феи ему не досталось, я заплатил ему сто золотых баксов за ленту со всеми наградными значками. От «За оказание первой помощи» до «За проявленную гражданскую совесть».

Люди действительно готовы продать все, если цена их устроит.

И еще я понял, что купленная за деньги награда не стоит ни шиша.

7 – Дом с привидениями

Боуди Карлайл (J детский друг Рэнта): Рэнт потратил свое золото всего один раз: взял тачку и пошел на мясоконсервную фабрику Перри.

Преподобный Кертис Дин Филдс (J пастор миддлтонской христианской общины): Каждый год в зале фермерской ассоциации устраивали «дом с привидениями»: развешивали старый промасленный брезент, воняющий дизельным топливом, и получался очень темный туннель, через который надо было проходить. Причем туннель поворачивал направо и налево, петлял и кружил, чтобы запутать ребенка и заставить идти подольше. Дети собирались в начале лабиринта, и

Рэнт проводил их по одному. Внутри были всякие аттракционы. На дальнем конце – праздник с конкурсом карнавальных костюмов, тортами и конфетами. Однажды делали «пиньяту».

В туннеле было темно, хоть глаз выколи, а вспышками освещалось что-нибудь страшное. В конце – темнее всего; а Рэнт еще и завязывал детям глаза. Потом совал их руку в большую миску с вареными рожками, перемешанными со сливочным маслом, и говорил: «Это мозги». Давал пощупать виноград с кукурузным маслом или облупленные яйца и говорил: «Это вырванные глаза». В наше время дети совсем не пугаются. Когда ребенок в темноте сует руку в теплую воду с желатином и слышит «Это свежая кровь...», ему уже не хватает воображения испугаться.

Луэлла Томми (J соседка): В конце туннеля с привидениями, где устроили праздник, дети едят торт и играют в «Утю-Утю». И в «Передай апельсин». Некоторые дети просят салфетку, чтобы вытереть руки, потому что трогали поддельные мозги, легкие и всякие страхи. Другие ребята просто вытирают руки о свою или чужую одежду.

Маленькая девочка Эллиотов выходит из туннеля, руки по локоть красные. Прямо багровые. И плачет. Сама в костюме ангелочка, с бумажными крылышками на проволоке из старых вешалок и нимбом с золотыми блестками. Трет глазки, размазывает красное по лицу. И, всхлипывая, говорит:

– Рэнт Кейси положил мне в руку настоящее живое сердце!..

Я сказала ей:

– Нет, милая, оно было не настоящее!

Поплевала на салфетку, чтобы вытереть ей мордашку, и говорю:

– Это был просто помидор без шкурки!

Сначала я даже испугалась, что девочка так разнервничалась. Встаю на колени, вытираю ей личико бумажной салфеткой, а бумага рвется. Тут я замечаю, какое

все клейкое, вся юбка склеилась. И в черных точках. Это свернувшиеся кусочки. Это не красная краска. И еще запах. Кроме вони старого брезента и креозотного запаха, как от шпал на жаре, я слышу сладковатый запах то ли календулы, то ли детского горшка... Запах тухлого мяса.

Гленда Хендерсен (J соседка): Боже, боже! Все дети – у кого пальцы, у кого руки по запястье, у кого по локоть и даже выше – в крови. Измазаны все костюмы: пиратов, фей, бродяг – все измазаны. Все в крови, уже не красной, она запеклась и почернела. Дети трогали торт и запачкали кровью ванильную глазурь. Оставили кровь на черпаке для фруктового пунша и на апельсине, с которым играли в «Передай апельсин». А после «Свистящих крекеров» все крекеры были в бурых отпечатках.

По бетонному полу из черного туннеля тянется много-много маленьких отпечатков кроссовок и сандалий, клейких и кровавых следов. Лоуэлл Ричардс, учитель старших классов, берет у кого-то фонарик и идет разбираться.

Шериф Бэкон Карлайл (J детский враг Рэнта): Это хуже, чем самые ужасные снимки с места преступления, какие показывают полицейским!

Луэлла Томми: Люди говорили, когда родился Бадди, Айрин Кейси принесла домой и заморозила свой послед. И мне сначала подумалось, что Бадди развесил там экспонаты: «Повешенный», «Призрак», «Взгляд в ад» и «Плацента Айрин Кейси»...

Слава Богу, я ошиблась – но ненамного.

Полк Перри (J сосед): Догадайся я, что Рэнт Кейси задумал, ни за что не продал бы этому хулигану глаза! А вышел верный знак, что из мальчика вырастет убийца.

Лоуэлл Ричардс (J учитель): Рэнт Кейси в темноте берет за руку мальчика Хендерсенов и кладет в разные миски. Я высвечиваю фонарем кровь, густую как пудинг. Легкие с бойни: свиные и бычьи, серые, комковатые. Скользкие серые мозги, перемешанные и помятые. Кишки и почки вывалены прямо на пол.

В салатнице покачиваются глаза разных размеров. Коровьи, свиные, лошадиные, все тарачатся в потолок, все в кровавых отпечатках пальцев. И эти кошмарные отходы нагреваются и начинают вонять – почки, мочевые пузыри и целые противни кишок.

Полк Перри: Говорят, там творился настоящий ужас. Повсюду – отрезанные языки.

Лоуэлл Ричардс: Я смотрю и вижу, как Рэнт Кейси открывает ладонь мальчика Хендерсенов и кладет в нее что-то блестящее и темное со словами: «Это сердце...»

Огромное сердце мертвой коровы.

А мальчик хихикает, глаза у него завязаны, и сжимает рукой сердце. Из отрезанных сосудов сочится кровь.

Боуди Карлайл: Жутковато, конечно, но мы превратили зубы в золото, а золото – в глаза. Все в жизни – либо плоть, либо деньги, и нельзя иметь и то, и другое сразу. Это как быть одновременно живым и мертвым. Невозможно. Приходится выбирать.

Шериф Бэкон Карлайл: Ну, Кейси есть Кейси. Он, конечно, сделал вид, что все не нарочно. Мол, он думал, что так и делают «дом с привидениями». Мол, столь уважаемые и высокочтимые столпы общества, как взрослые скаутмастеры, не стали бы обманывать маленьких детей. Так все Кейси умеют – прикинуться дурачками. Сказал, что дети всегда с нетерпением ждут, когда им дадут потрогать мозги и легкие. А трогать тухлые макароны, говорит, совсем не

страшно. Его послушаешь, так наш обычный, дедовский «дом с привидениями» из винограда и пищевых красок покажется чем-то стыдным и неправильным.

Лоуэлл Ричардс: Рэнт Кейси не был злым мальчиком. Он всего лишь искал вокруг что-то настоящее. В наше время дети растут оторванными от мира, они подключаются к чужим жизням и переживают эмоции других людей. Приключения с чужого плеча. Мне кажется, Рэнт хотел, чтобы у всех было хоть одно настоящее приключение. Вместе, всей общиной. Чтобы это всех объединило.

Когда вся деревня смотрит один и тот же старый фильм или подключается к одному «пику», этого мало. А вот когда дети пришли домой в костюмах, измазанных кровью, и неделю под ногтями у них чернело и волосы воняли, – разговоров было! Радости большой я не заметил, но зато все начали общаться и поняли, что они вместе.

В Миддлтоне случилось то, чего не было никогда и нигде.

Шот Даньян (R автосалочник): Рэнта бесили не только искусственные переживания. Еще эти фермерские дети, которые разоделись солдатами, принцессами и ведьмами. Торт с искусственным запахом ванили. Урожай, которого уже давно не бывает. Фруктовый пунш фабричного изготовления. Ритуал ублажения духов или что там еще за дерьмо принято делать на Хэллоуин. И люди, которые его соблюдают без всякого понятия. Рэнта бесила вся эта долбаная фальшь.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (R Историка): Африканцы не верят в Зубную фею. Вместо феи у них Зубная мышь. В Испании – *ratoncito Perez*. Во Франции – *La Bonne Petite Souris*. Крошечный волшебный грызун, который крадет зубы и взамен оставляет мелкие деньги. У некоторых народов выпавший зуб нужно прятать в змеиной или крысиной норе, чтобы его не нашла ведьма. В других культурах дети бросают зуб в горящий костер, а потом, когда пепел остынет, ищут в нем монетки.

Поверив в Санта Клауса, в Пасхального кролика и наконец в Зубную фею, Рэнт Кейси понял, что эти мифы – не просто красивые сказки и обычаи, призванные развлекать детей либо контролировать их поведение. Каждый из этих обычаев предлагает ребенку поверить в невозможное в обмен на вознаграждение. Каждый представляет собой все более сложное испытание, которое развивает веру и воображение. Первое испытание – поверить в волшебного человека и получить в награду игрушку. Второе – поверить в волшебное животное и получить за это лакомство. Последнее испытание – самое сложное, и вознаграждение самое абстрактное: поверить в летающую фею, которая приносит деньги.

Человек – животное – фея.

Игрушки – сладости – деньги.

Происходит нечто любопытное: вера и доверие переносятся с сияющей волшебной феи на невзрачные потертые монеты. От прозрачных крылышек мы переходим к пятицентовикам... десятицентовикам... и четвертакам.

Так ребенка по мере роста побуждают проявлять все новые чудеса воображения и веры. Начиная с Санты в раннем детстве и заканчивая Зубной феей, когда появляются взрослые зубы. Выражаясь проще, начиная с детской веры в то, что все возможно, и заканчивая абсолютным доверием к национальной валюте.

Шот Даньян: «Бесило» – не то слово. Вся фальшь и реальность смешались: дешевые конфеты стали на вес золота. Золото стоит как сахар. Макароны выдают за мозги, а взрослые клянутся, что Зубная фея – настоящая. И даже такой странный всеобщий бред, как Санта Клаус, дает половину годового дохода от розничной продажи. Какой-то мифический толстый козел – двигатель всей экономики. Нет, это еще хуже.

В тот вечер Рэнт Кейси, пусть еще маленький, просто хотел чего-то настоящего. Даже если настоящее – это вонючая кровь и кишки.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса: Каждая праздничная традиция – это стимул когнитивного развития, сложная задача для ребенка. Несмотря на то что большинство родителей не осознают эту функцию, они все равно ее выполняют.

Рэнт также понимал, что от того, как ребенок расстанется с иллюзиями, зависит, как он сможет использовать приобретенные навыки.

Ребенок, который не получил стимула в виде Санта Клауса, возможно, так и не научится пользоваться воображением. Для него будет существовать лишь буквальное и осязаемое.

Ребенок, которого грубо лишили иллюзий сверстники или другие дети в семье, осмеяли его веру и фантазию, может принять решение никогда ни во что не верить – как в осязаемое, так и в неосязаемое. Не доверять и не изумляться.

Ребенок же, который отказывается от иллюзий, связанных с Санта Клаусом, Пасхальным зайцем и Зубной феей самостоятельно, получает самые важные навыки. Он познает силу своего воображения и веры и научится создавать собственную реальность. Он станет собственным авторитетом. Он будет определять природу своего мира. Собственное видение. И силой своего примера он сможет создавать реальность для других: тех, кто не умеет воображать, и тех, кто не умеет доверять.

Преподобный Кертис Дин Филдс: Как бы ни был деревянный пол обработан, хоть воском, хоть лаком, он все равно держит запах. Светлый кедр, зашпунтованные доски, как у нас в зале фермерской ассоциации, – и до конца лета по запаху было слышно, что произошло. Жара. Едва одного ребенка – Доррис Томми, кажется, – стошнило тортом, как от вони стало выворачивать остальных.

Дэнни Перри (J детский друг Рэнта): Там была сплошная кровь и рвота, весь пол словно в клейком ковре. Кровь и рвота. Говорят, именно тогда Бастера Кейси прозвали Рэнтом. Потому что каждый ребенок сгибался и кричал то же самое. «Рэ-э-энт!» И вот вам ванильный торт с глазурью. «Рэнт!» И выbleвывают фиолетовый фруктовый пунш.

Миддлтонец, если заболит или перепьет и мучается тошнотой, до сих пор говорит: «Кажется, ко мне идет Рэнт».

Боуди Карлайл: До того, как уехать в город, Рэнт отдал мне двадцать четыре галлоновых молочных бидона, доверху полных зубов. От крошечных детских до дедовских, вытасненных из сундуков и заветных коробочек. По моим подсчетам, в чемоданах, которые он потащил в город, были одни золотые монеты.

Эти бидоны Рэнт назвал Миддлтонским зубным музеем.

8 – Работа с клиентами

Уоллес Бойер (J продавец автомобилей): Хороший продавец перво-наперво вручает клиенту визитку. Здоровается, представляется и тут же дает визитку, потому что исследования показали: девяносто девять процентов покупателей пользуются визиткой продавца как поводом уйти из салона. Даже если им не нравятся ни вы, ни ваши машины, большинству покупателей неловко, что они отняли у вас время. Визитная карточка смягчает эту неловкость. Так что, если хотите поймать клиента, дайте ему визитку сразу, как только представитесь, и он никуда не денется.

Психологи, которые изучают поведение людей, утверждают, что за первые сорок три секунды знакомства мы определяем доход человека, возраст, интеллект и степень нашего к нему уважения. Поэтому умный продавец носит приличные костюмы, не скребет в затылке и потом не нюхает ногти.

Одно серьезное исследование, проведенное в Лос-Анджелесе в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году и с тех пор не раз подтвержденное, гласит: пятьдесят пять процентов общения людей основано на языке тела: как мы стоим, на что опираемся, как смотрим друг другу в глаза. Еще тридцать восемь процентов – это тон голоса, скорость, с какой мы говорим, и громкость. А самое удивительное – только семь процентов информации передается со словами.

Главный талант хорошего продавца – умение слушать.

Это называется «вести» клиента: подстраивать свое дыхание под его дыхание; если он постукивает ногой или барабанит пальцами, делать то же самое с той же скоростью. Если он чешет за ухом или вытягивает шею, подождите двадцать секунд и повторите. Прислушивайтесь к его словам и наблюдайте, как движутся его глаза в разговоре. Почти все клиенты получают информацию через зрительный канал, поэтому они почти всегда смотрят вверх. Влево вверх, если что-то вспоминают, и вправо вверх, если говорят неправду. Другие обучаются через слуховой канал, и они обычно смотрят из стороны в сторону. Самая маленькая группа познает мир через движение или осязание. Эти в разговоре будут смотреть вниз.

Визуалы скажут: «Посмотрите» или «Я вижу, о чем вы». «Это невообразимо!» или «Увидимся позже». Эхо Лоуренс из таких: вечно меряет тебя взглядом.

Клиенты-аудиалы говорят: «Послушайте», «Звучит неплохо» или «Скоро поговорим». Например, Шот Даньян. В глаза почти не смотрит, но быстрой оживленной речью можно его заинтересовать.

А кинестетики скажут: «Я держу руку на пульсе». Или «Есть контакт», или «Состыкуемся позже». Вот как мальчик Недди Нельсон: всегда стоит слишком близко и вечно трогает тебя и похлопывает, чтобы убедиться, что ты слушаешь.

Если продавец правильно «ведет» клиента, он перенимает способ получения информации – визуальный, аудиальный или осязательный. То есть в разговоре направляет взгляд вверх, в сторону или вниз. Ваша цель – найти точки соприкосновения. Не все любят бейсбол или даже рыбалку, но каждый без ума от самого себя.

Вы – ваше главное хобби. Вы специалист по самому себе.

Хороший продавец всего лишь смотрит вам в глаза, повторяет ваши движения, кивает, смеется или хмыкает, показывая свой интерес (эти звуки и жесты называются вербальными знаками внимания). Продавец дает вам понять, что он в таком же восторге от вас, как вы сами. И тогда у продавца и клиента возникает общая страсть: клиент.

Есть еще масса приемов: скрытые команды, преодоление возражений, «горячие кнопки», вопросы-привязки, добавочные и контрольные вопросы... И это далеко

не все. Любой хороший продавец скажет: прежде чем подумать, много ли вы знаете, клиент хочет убедиться, что вы к нему равнодушны.

А самый лучший продавец умеет притворяться, что он к вам очень-очень равнодушен.

9 – Рыбалка

Боуди Карлайл (J детский друг Рэнта): Теплая шерсть – мои пальцы натываются на что-то живое. Рэнт подзуживает: суй глубже. Рука жирная и скользкая. Я уже обгорел, но валяюсь в песке и шарю в норе, даже не прохладной, а холодной. В темной норе какого-то зверя. Может, скунса. Или мешетчатой крысы, или койота.

Рэнт смотрит мне в глаза:

– Нащупал?

Я вслепую касаюсь спутанных корней полыни, гладких камешков, а потом... хм-м-м... шерсти животного. Мягкие волоски отодвигаются в глубь норы.

Рэнт приказывает:

– Тяни руку за ним.

Порывом ветра уносит комок жирной фольги из-под мясного рулета, испеченного миссис Кейси. Мы с Рэнтом мяти пряный фарш, пока он не забился под ногти и пальцы не стали скользкими. Сейчас моя рука исчезла в земле, вытянулась, как я и не ждал. Я пытаюсь снова нащупать чью-то шкуру, а под ней дрожащее сердце. Оно бьется почти так же часто, как мое.

Лу-Энн Перри (J детская подруга Рэнта): Говорят, если Рэнту нравилась девочка, он ее целовал. А мальчиков брал на «рыбалку». И то, и то – испытание.

Боуди Карлайл: В жару почти все шли к реке удить рыбу, а Рэнт – в другую сторону.

Он брел по пустыне все утро, потом ложился на бок прямо так и по локоть запускал руку в какую-нибудь грязную дыру. И ему было наплевать, что там за тварь – скорпион, змея или луговая собачка. Рэнт шарил в этой темени наобум и надеялся на худшее.

Раз та «черная вдова» на Пасху его не убила, Рэнт решил найти средство покрепче. «Меня же привили от дифтерии и кори, – часто говорил он. – А гремучка – моя прививка от скуки».

Укус водяного щитомордника он называл «прививкой от работы по хозяйству».

В половине случаев гремучие змеи забывают впрыснуть яд, когда кусают. Рэнт говорит, в книгах пишут, что гремучки и щитомордники боятся тебя больше, чем ты их. Тело, которое излучает уйму тепла, вот что видят змеи. Что-то огромное и горячее – и змея вынуждена раскрывать свои складные клыки и – хап! – вонзать их тебе в руку.

Ничто Рэнта так не бесило, как укус всухую. Боль без яда. Прививка без лекарства. Все его руки и ноги были покрыты двоеточиями без красных рубцов – пустыми укусами.

Вместо обычной рыбалки Рэнт отправлялся за дом, мимо бочки для сжигания мусора, мимо машинного сарая, через поля люцерны, где поливочные машины – тик-тик-тик – расстреливают водяными очередями жаркое солнце. После люцерны открывался целый горизонт лоховины – мохнатой, с длинными серебристыми листьями. За ней – горизонт сахарной свеклы. За свеклой – другие посадки. А за всем этим – проволочная изгородь, облепленная шарами перекатиполя, которые стремятся попасть внутрь. На колючей проволоке болтаются прокладки и презервативы, полные миддлтонской спермы и крови.

А потом остается еще горизонт. Три горизонта от задней веранды Кейси, и ты в пустыне. Рэнт называл свои походы за укусами «рыбалкой».

Айрин Кейси (J мать Рэнта): Еще муравьиные укусы должны были нас насторожить. Бастер вечно приходил весь в красной сыпи от огненных муравьев. Такая боль, что большинство детей бы ревело. А он терпел ее легко, как потницу.

Боуди Карлайл: Его родные и половины не знали! В школе Рэнт закатывал рукав и считал укусы: огненный муравей, бродячий паук, скорпион... Все его прививки.

Весь девятый класс по пятницам, когда мы играли в вышибалы против двенадцатиклассников, выпрашивал себе освобождение от физкультуры. Мол, гремучая змея недавно укусила. Пока старшие избивали нас всех в кашицу, Рэнт стягивал носок и предъявлял учителю распухшую красную ступню. И две дырочки, откуда сочится прозрачная юшка, похожая на яд.

Но я-то знал, что это его прививка от игры в вышибалы.

Для Рэнта боль была первым горизонтом. Яд – вторым. Болезнь – всего лишь таким же рубежом.

Из полевых заметок Грина Тейлора Симмса (R Историка): Яд паука «черная вдова» убивает всего около пяти процентов укушенных. Через час после укуса нейротоксин под названием альфа-латротоксин распространяется по лимфатической системе жертвы. Мышцы живота сокращаются и затвердевают, живот становится похожим на стиральную доску. Возможна рвота, обильное потоотделение.

Еще один распространенный симптом – приапизм. Яд «черной вдовы» – природное средство от эректильной дисфункции. Рэнт не рассказал папе с мамой, но в ту Пасху у него впервые была эрекция. В детской психике секс и яд совершенно перемешались.

Эхо Лоуренс (R автосалочница): Вот почему Рэнт в змеях души не чаял. Даже в городе без «черной вдовы» или бурого паука-отшельника он бы ничего не стоил в постели. Он называл их укусы «стимулирующей инъекцией».

Повторять дома не советую, но член твердый несколько часов. Встает как по команде. И огромный, что твой рычаг переключения передач. Вколол чуть глюконата кальция, и все в норме.

Шериф Бэкон Карлайл (3 детский враг Рэнта): Зачем Рэнту Кейси были все эти укусы? Кайф поймать. Яд – это тоже наркотик. Кайф. Я вам как служитель закона говорю: наркоманы – ненормальные люди. Когда вы дослушаете до конца, как Рэнт ловил свой кайф, будете в шоке.

Боуди Карлайл: Меня не спрашивайте. Я так и не понял, в чем тут кайф. Пока другие ребята нюхали керосин или клей для авиамоделей, Рэнт чуть ли не все лето валялся под каким-нибудь кустом полыни. Все бежали от реальности, а Рэнт к ней готовился.

Грязные дыры под сдвинутыми камнями, куда нельзя заглянуть, – вот будущее, которого мы так боялись. Когда Рэнт совал туда руки и не умирал, он переставал бояться. Он закатывал штанину и, сидя на песке, совал голую ногу в нору койота. Медленно, как другие пробуют воду в ванне, не горячо ли. Если понаблюдать за ним, было видно, как Рэнт стискивает руки, упирается в песок, крепко зажмуривается и набирает в рот воздуха.

На дне дыры сидит скунс, енот, койот с выводком или гремучая змея. Сначала мягкая шерсть или гладкая чешуя, теплая или прохладная, а потом – чамк! – укус целого рта зубов. Нога Рэнта вздрагивает. Но он не отдергивает ногу, как другие, кто рвет кожу еще больше, потому что тащит из плотно сжатых челюстей. Нет, Рэнт давал зверю расслабить хватку. Или ухватить еще раз, сильнее. И отпустить, потому что надоело. Потом теплое дыхание на пальцах – кто-то обнюхивает ногу. Под землей чей-то мокрый язык лижет Рэнтову кровь.

Только тогда Рэнт вытаскивал ногу из норы. Кожа порвана и изжевана, но чисто вылизана. И с чистой кожи капает – кап-кап-кап! – чистая кровь. Глаза Рэнта – сплошные зрачки. Он снимает второй ботинок с носком, закатывает штанину и сует голую часть собственного тела в темноту, чтобы посмотреть, что будет.

Все лето пальцы Рэнта на руках и на ногах искусаны и сочатся кровью. По укусу, по дозе яда за раз Рэнт готовился к чему-то серьезному. Прививал себя от

страха. Любое будущее, самая ужасная работа, женитьба, армия – это наверняка лучше, чем челюсти койота.

Эхо Лоуренс: Вот смотрите. Когда я познакомилась с Рэнтом Кейси, в первый вечер мы сидели в итальянском ресторане, и он спрашивает:

– Тебя никогда не кусали змеи?

Он в пиджаке, и я еще не знаю, какие у него страшные руки. А он дразнится, будто это дефект, говорит:

– Подумать только: столько лет прожить, а на тебя ни разу не брызнул скунс...

Словно моя жизнь – образец осторожности и всяких ограничений.

Рэнт вздыхает и качает головой над своей тарелкой спагетти. Потом косится на меня одним глазом:

– Если ты никогда не болела бешенством, считай, ты никогда не жила.

Нет, ну какая наглость! Иисус из деревни.

Только представьте: он даже не умел переключать передачи на рулевой колонке.

Да что там! В тот вечер он впервые увидел равиоли!

Доктор Дэвид Шмидт (3 миддлтонский врач): Этот маленький негодяй Кейси каждый раз успевал заболеть, но не удосуживался сообщить родным об укусе. Вирус бешенства передается со слюной инфицированного животного. Любой укус, лизание и даже чихание могут быть заразны. Попадая в организм, вирус распространяется по центральной нервной системе и поднимается по позвоночнику в головной мозг, где размножается. Начальная стадия называется «эклипсной», потому что симптомов нет. Больной распространяет заразу, но

выглядит и чувствует себя нормально.

Эклипсная фаза длится от нескольких дней до многих лет. И все это время ваша слюна заражает других.

Боуди Карлайл: Рэнт предпочитал «пикам» свою рыбалку. Он говорил: «Может, моя жизнь пустая и скучная, но по крайней мере она моя, а не ширпотребная, секунд-хендовская, с чужого плеча».

Шот Даньян (R автосалочник): Подставляться под укусы гремучей змеи – это, скажу я вам, примитив.

Доктор Дэвид Шмидт: Самое возмутительное – Бастер Кейси пользовался большой популярностью у противоположного пола. Без всяких сомнений. За последние десять лет мы лечили шесть случаев бешенства у мужчин. Все шесть – сам Бастер. А у женского пола – сорок семь. В основном заболевали его же одноклассницы; два случая – учительницы. В то же самое время три из них решили прервать беременность от неназванного отца.

Лу-Энн Перри: Куда ни кинь, Бастер был опасен для окружающих. А еще он часто играл в «бутылочку».

Полк Перри (J сосед): Говорят, Рэнт Кейси больше жил с бешенством, чем без него. А если так долго растить в башке жука, обязательно с катушек съедешь. Хотя некоторым сумасшедшие как раз нравятся.

Лу-Энн Перри: Я от Бастера не беременела, но бешенством заражалась довольно часто. Первый раз – когда мы встали под омелой на рождественском утреннике в пятом классе. Всего один поцелуй. Я была в красном бархатном джемперочке с белой блузкой. Стояла на сцене в первом ряду и выводила «О, святая ночь»,

милая, как ангелочек с длинными светлыми кудрями. Прямо как картинка – и бешеная.

Спасибо Бастеру Кейси!

Доктор Дэвид Шмидт: Обвинять во всех случаях заражения одного парня несправедливо. Но с тех пор, как Бастер Кейси уехал, у нас перестали болеть бешенством.

Лу-Энн Перри: Очень многие девочки заражались, как я. Добрая половина класса, как началась средняя школа. Бренда Джордан говорила, что заразилась, когда все кусали яблоко на Хэллоуин, а она была после Бастера, но она просто с ним целовалась.

Некоторые относились к Бастеру Кейси, как он сам – к змеям. То, что мама с папой запрещают. Маленькая ошибка, которая спасет тебя от более крупной.

Поцелуй с Бастером – такая ошибка. Хуже будет, если ее не сделать. Когда симпатичный мальчик два-три раза заразит тебя бешенством, ты придешь в себя на всю жизнь и выберешь мужа поспокойнее.

Эхо Лоуренс: На втором свидании Рэнт начал ворошить кучи листьев в парке. Один из безотказных способов подцепить бешенство – возиться с летучими мышами. Поройтесь под листьями – и обязательно найдете мыш, которая вас укусит. Помните об этом, когда в следующий раз захочется поваляться осенью под деревьями.

Лу-Энн Перри: Говорят, этот мальчик всем нравился. Всем, кроме собственного папаши.

Шот Даньян: Что, прикольно? Тринадцатилетний сын с сексуальными проблемами, наркоман, который любит гремучих змей, да еще и большой бешенством, – можно спокойно назвать его самым ужасным отцовским кошмаром.

Лу-Энн Перри: Еще Бастера Кейси называли ошибкой, которую девочке надо совершить пораньше, чтобы успеть оправиться.

Боуди Карлайл: Мы сидим в пустыне, за три горизонта от остального мира. Рэнт опять смотрит мне в глаза:

– Чуешь, как бьется сердце?

Я нащупал шерсть. Глажу ее. Под землей. Как в могиле. Моя рука белая-белая. Скользящая и воняет жирным мясным рулетом.

Я горю на солнце и киваю: да.

Рэнт улыбается:

– Не убирай руку.

Чувствую шерсть, мягкую и теплую. И тут – чпок! – что-то втыкается в перепонку между большим и указательным пальцем, что-то острое вонзается в кожу. Моя рука вздрагивает так сильно, что ударяется о стенки туннеля. Нора плотно сжала мой локоть, держит руку до плеча. Боль жжет по самую ключицу, я пытаюсь вытащить руку.

Рэнт охватывает меня сзади за грудь и помогает.

В моей руке не двоеточие от змеиных зубов. Не подковка от укуса койота. Кровь толчками бьет из большой и ровной дыры.

Рэнт смотрит на кровоточащий разрез и говорит:

- Есть укусы. Это кролик.

У нас сочится кровь из рук и ног, стекает на песок под горячим солнцем. Рэнт вздыхает:

- Вот оно... Вот так должно быть в церкви.

10 - Обратни

Д-р Феба Трюффо (J эпидемиолог): Первейшим запретом у древних народов было не пить из водоема, где бывают волки. Более того, наши предки не доедали животных, скажем, оленя или лося, задранных стаей. Бытовало мнение, что нарушение любой из этих заповедей - или обычный волчий укус - превращает человека в легендарное чудовище, кровожадного и жестокого человека-волка. В обратня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/chak-palanik/rent-biografiya-bastera-keysy/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/chak-palanik/rent-biografiya-bastera-keysy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)